

Месяц Нисан. Оживает пустыня. Зыбучие пески; корабли барханы одеваются в венчальные наряды. Созвездия цветов, ночные созвездия. Они соприкасаются и возникает удивительное Чудо Бытия. Сидя в рассветный час на вершине бархана и принимая в раскрытые ладошки первые лучики солнечные, вдруг с невыразимой ясностью осознаешь, что именно этот момент есть именно то, к чему все долгие и непростые годы жизни устремлялась твоя душа. И вот здесь и сейчас произойдет та встреча, ожидание которой есть жизнь прожитая. Не отступить.

И возликует душа твоя ибо впереди Жизнь Вечная . Месяц Нисан

Господу Нашему Посвящается

И прости нам долги наши

Вертра. Цветок Реальности.

Цветок реальности раскрыт

Цветок реальности летит

Цветок реальности цветёт

Цветок реальности растёт

Вновь возрадовался

Бытие явило в нём своё чело

В том Бытие весь мир создал

Он стал всем тем о чем мечтал

И жизнь любви в себя вобрал

Цветок реальности всем стал!

После восхода солнца

И всё таки он меня оставил. Хорошо, что каким-то образом оказалась зажигалка и сотовый телефон. Можно было связаться и разжечь костер. Ночи в пустыне даже в сентябре уже холодные.

Когда-то у Стены плача, мысленно пройдя по храмовым дворикам Великого Иерусалимского храма, я вдруг осознал, что именно здесь начинается Великий путь Иоанна Предтече. Путь который исходил из сердца Его и по воле Его. Странно почему мне подумалось, что Путь начинается, а не начинался. Искорка от горящего хвороста пустыни прочертила в темном небе след, как вечно падающая звезда. Мысль.

Да потому, что такие Пути всегда происходят здесь и сейчас, и ведут в Вечное. А там нет ни времени ни пространства.

Пламя маленького костра, то стелилось по пути мелодичного ветерочка, вылизывая воображаемые им неровности пустыни, ах, это воображение, то устремлялось ввысь, но уже выводя мелодию другой тональности. Ах, это вечное пламя. Оно казалось пришло из начала и будет всегда.

Вот незадача, даже чая приготовить не из чего. Телефон прозвонил. Из консульства. Марк не волнуйтесь и продержитесь ночь и утро.

Надо точно определить Ваш маршрут. Вы шли в Эль-Морию. А это три перехода утренне-вечерних. Но вот что странно, мы не смогли найти ни вашего проводника, но что ещё более странное, турагенство, которое Вам организовало

путешествие. По указанному адресу ничего нет и никогда ничего подобного не было. Я лично был там. Какие-то старые развалины. Местные жители говорят, что в округе ничего подобного нет.

После восхода солнца, через каждые три часа буду с Вами на связи. Удачи.

Бред какой-то . Агенство, проводник. Впрочем реальность такова, какова она есть и было ли агенство и был ли проводник. Какое это в данный момент имеет значение. Вот чайку бы.

Послышался шорох песчинок и в отсвете пламени обрисовалась фигура. Белоснежный бедуинский плащ с капишоном. Я встал и жестом пригласил присесть к огню. Меня немного просветили об обычаях пустыни. В данный момент я хозяин, а он гость.

На моем плохом арабском я объяснил, что мне кроме места у костра и, естественно, сотового телефона более предложить нечего.

– Я полагаю, что этого вполне достаточно.

Его безукаризированное произношение на русском сразило меня.

– Но Впрочем, – продолжил он, – этим сыт не будешь, да и колючек на всю ночь не хватит. А поэтому если ты не возражаешь, то милости прошу заглянуть ко мне на огонек. Здесь совсем не далеко или недалече, как тебе угодно.

Он наслаждался произнесением этих слов, Впрочем я тоже, слушая их и не переставая удивляться.

– Что до проводника и консульства, то я полагаю дело уладится. Да, да, ты прав. Моя манера говорить немного старомодна, но она мне нравится. Милостивый государь.

Невольно ущипнул себя за ухо, но только увидел всё понимающую улыбку.

– Ну как, приглашение принимается? - молчал.

– Что ж, тогда в путь.

Пустыня в ночи. Без имени в ночи. Односложные мысли сами собой выскакивали в таинственных определениях. Казалось простые фразы, но именно сейчас и именно только они, вплетались в ночную гармонию бытия пустыни и рядом идущего.

Ночная бабочка, что темень, что лукавство

Слова проясняны, полны таинства знаков

От звуков, шорохов, неслышных огоньков

Ночная бабочка, проявленное чудо

Он шёл впереди, неспешным и на моё удивление неслышным шагом. Казалось, что ноги его не соприкасались с великим и бархатным морем песков пустыни. Послышался какой-то мелодичный звук и тут же пропал. Величавый звездный хоровод, протяни руку и соприкаснешся и вместе с тем уголок рас-

судка, внимая и восторгаясь, не оставлял знание об их беспредельной дали. Мысли, как ночные бабочки порхали, сиюсь войти в понятие происходящего. Кто, куда и вообще бред какой-то.

Очередной бархан возышался до звезд, время потерялось. И вверх и вверх и вверх. Ну наконец-то, вершина. И это определилось по внезапно появившейся полоске зори. Он остановился, и я.

Полоска зори завораживала и притягивала всё моё существо. Ибо только по наслышке. Так и не успел вспомнить, что по наслышке.

Лучи Солнца в мгновение ока окрасили проводника и всё пространство. И оно отдало, раскинувшееся на доле. Силился дать определение явленному. Его рука, рука стоящего рядом, обняла за плечо.

– И не пытайся понять и позвольте представиться, милостивый государь, Агасфер.

– Боже! Леонид Андреев. Легенда о Вечном Жиде.

– Да, ты прав. Леонид Андреев. Легенда о Вечном Жиде. Забавная и вместе с тем глубокая вещь. Получил огромное удовольствие от прочитанного.

Жаль, что не довелось с ним свидеться. Легенда о Вечном Жиде. Странные штуки эти легенды. Из них узнаёшь такое, что никогда и не происходило, но то что не происходило и есть на самом деле самое интересное.

Ветви паралельных жизней. Нереализованные возможности. Некий

Впрочем об этом потом. У нас с тобой много так называемого времени; бурдет от чем поговорить. А теперь взгляни вниз ещё раз.

Величественные стены огромного замка, незаметно входящие в ещё более величественный скальный массив.

– Здесь обитали Ессеи. И в нем сокрыты великие знания. От Начал.

Здесь ещё маленькие, но вместе с тем Великие пророки начинали свой Крестный путь. Путь который, как правило, для них оканчивался на Голгофе. Маленькие и вместе с тем Великие Детки, они всегда маленькие, пока маленькие.

Его рука, очень мягко поддержала меня, поскольку совершенно внезапно песок обрушился под ногами и мы оказались, стоящими на самой верхней ступеньке величественной лестницы, уходящей далеко вниз, и казалось эхо наперегонки с лучами света, ну просто дети, резвилось в нескончаемом танце бытия, то замирая, то ликуя в немислимых па этого бесконечного танца.

– Лестница Иакова, – мелькнула мысль.

– Да лестница Иакова, – прозвучал ответ.

– Только мы не Ангелы.

Первая ступенька из самой глубины излучала янтарный свет, который в полтонах к седьмой ступени, приобретал оттенок старинного темнокрасного бархата.

– Не спеши. Насладись ощущением соприкосновения, ибо в них сокрыта Гармония.

Восприятие восьмой ступени прозвучало едва слышным оранжевым аккордом, мелодия ещё не освобожденная от бархатного ряда ми, уже приобретала глубинную теплоту нашего благословенного Светила.

– Интересно, и сколько ступеней это будет продолжаться? – спросил я.

– А это зависит от тебя. – последовал ответ.

– Но, в любом случае, будет кратно семи. Путешествие по ступеням Вселенной тем и заманчиво, что сотворяется в гармонии с собой. Великая дорога познания самого себя, явленного. А пред входом во Врата; впрочем увидишь сам.

Сколько времени продолжался спуск? Кто считал? Каждое семицветье откликлось прекрасной гармонией когда-то излившегося в мир блага из глубин собственного сердца. Врата приближались, становясь всё более прозрачными, а глубина неба завораживала и приковывала взгляд. Я внезапно остановился, как если бы внезапно разверзлась земля. Черный бархат мог бы позавидовать прозрачной черноте последней ступени.

– Да мой друг. К сожалению, эта Гармония нашего мира и мы в нём.

Врата приблизились, но ступенька не кончалась, и по мере движения по ней она постепенно приобретала цветовую гамму Ворот и в самом конце её цвет и цвет Ворот стал неразличим. Агасфер удовлетворённо улыбнулся.

– Рад, что не ошибся. Ибо не многим дано войти в эти Врата.

– А что, если не дано? – Вырвалось у меня.

– Да ничего особенного. – Ответил он.

– Просто их не будет.

Ессеи умели хранить свои тайны от непосвященных. Так повелось со времени Мельхеседека и так будет всегда. Как правило, в них входили малыми, а выходили Великими, и мир радовался их приходу.

И вот тут я и остановился как вкопанный. Его фраза «входили малыми, а выходили Великими» – меня просто потрясла. Это то я буду Великим?

Да, я ещё то и малым не стал, а тут нате – Великий. Я никак не мог понять стоим мы под аркой или уже прошли её. Поднял голову. Величественная светло бирюзовая, через неё ниспадала на нас и входила в душу, едва различимая синь неба, мерцающая мирриадами звезд. И эта синь была бесконечным окном, через которое Вселенная разглядывала наш мир.

И, действительно, сколько мы стояли. Странная мысль пришла в голову. Взглянуть бы сейчас на календарь. Какой день, а может быть год.

– Здесь нет времени, – произнес Агасфер. – Здесь только всегда сейчас и всегда быть. Ах, эти маленькие дворики великого Иерусалимского Храма.

Вот как тогда они уходили в закатное солнце. Иисус и Андрей. И уже не стало

Иоанна, а Агасфер?

Его с ними никогда и не было. Но здесь и сейчас они были и слова Учителя ещё звучали в их сердцах. Ещё очень юные. Почти дети. Но в них уже началась проявляться то сознание должествования, которое поведет их путями Земли.

Потом Он скажет:

Я есть путь, Истина и жизнь;

от Иоанна 14 .6

и будут произнесены слова другие:

мне надобно креститься от Тебя,

и Ты ли приходишь ко мне ?.

от Матфея 3. 14

Лишь только он никогда ничего ни скажет и долг его.

Впрочем, они ещё дети и они ещё вместе, а их пути в Господе им только, только приоткрываются.

Врата были пройдены и, о, Восток загадочный и чарующий.

Врата пройдены. Да и я не узнал бы никогда, что они пройдены, если бы вдруг не очутился в пространстве входа. Входа в?

Сказать, что мы вступили в огромный туннель, стены которого состояли из прозрачного черного камня. Это ни сказать ничего.

Черный туннель, стены которого были окна огромного звездного мира.

Свет миллиардов звезд проникал сквозь них, образуя внутри едва воспринимаемое глазами диффузное излучение, которое обозначало все и было всем.

И там, как мне показалось, вдали, как будто из русской сказки возник Аленький Цветок.

Я так и не смог воспринять, то ли мы к нему постепенно приблизились, то ли Он приблизился к нам.

Но ощущение открывшегося бесконечного пространства, где царил Аленький Цветок остановило дыхание.

Агасфер был рядом. В живом пламени цветка возникали и исчезали немислимые цветочные формы. Глазу, да нет не глазу, стал доступен весь спектр Бытия и нового Начала. Бытие в вечном танце виртуальности открывало свою непрерывно изменяющуюся суть.

Дыхание Божьего творения. Величайший фонтан энергий сотворенных форм и не форм в огненном вихре. **Слава Господня.**

И в этот фонтан вплеталось многоцветие светлейших вихрей.

Творящая мысль человеческая. Единая симфония Любви Бытия. Обертоны радости, блаженства, светлой жертвенности, светлого послушания и великой благодарности Творцу.

Аленький цветочек! Простой в своем Величии и благословенный в благодати

Творца.

Ликующий крик вырвался из глубин сердца и слова молитвы открылись.

Ты в глубине Господь

В Тебе лишь жизнь, блаженство

В Тебе лишь труд и благостный покой

И в Сыне пред Тобой предстаю, я

И в слове радости Святой!

Здесь в этом Цветке сокрыто Начало нашего Бытия и сейчас в нем творится новое Бытие. Наша Земля избрана для нового Творения и поэтому-то ты здесь.

– Почему же всё-таки Аленький цветочек?

Что меня заставило озвучить именно это название? Ну что? Что?

Его неопишуемая игра света, видимая глазами и разумом, воспринимаемая мысль, и воспетое чувство, то вдруг, расцветала мирриадами радуг, переходящих друг в друга в неуловимой гармонии, то вдруг, угасала до неуловимой бесконечной прозрачности гармонии, в которой ощущалась великая Святость.

Постоянная творящая игра Творца, явленная нам в великой сущности Бытия-Небытия.

Вспомнилось великое. Быть иль не быть. Вот в чем вопрос

/У. Шекспир/

Быть иль не быть, вот в чем вопрос.

Что выше:

Сносить в душе с терпением удары

Пращей и стрел судьбы жестокой или,

Вооружившись против моря бедствий,

Борьбой покончить с ним? Умереть, уснуть -

Не более; и знать, что этим сном покончишь

С сердечной мукою и с тысячью терзаний,

Которым плоть обречена,- о, вот исход

Многожеланный! Умереть, уснуть;

Уснуть! И видеть сны, быть может? Вот оно!

Какие сны в дремоте смертной снятся,

Лишь тленную стряхнем мы оболочку,- вот что

Удерживает нас. И этот довод -

Причина долговечности страданья.

Быть или не быть, вот в чем вопрос.

Что выше:

Что выше? Бытие–Небытие. Нескончаемая Божественная игра. Что выше?
Да ничто.

И вспомнились другие строфы:

Если бы
даже кудесник премудрый
Тогда погрузил,
размышляя про явь или небыль
Пронзительный взор
в синекудрое небо –

/Даниил Андреев. Навна/

И в этой игре Аленького Цветочка нескончаемыми мгновеньями являлось
Бытие-Небытие.

Танец с саблями.

Музыка стремительно нарастала, в водовороте вихрей звуков, разлетающийся по пространству сцены-жизни, тончайших шелковых тканей, вплетающихся в эти звуки и создающие едва уловимые ритмы будущих существований-вдохновений, достигающих великого крещендо Любви и тот же час замирающих в благоговейном молчании последнего аккорда Святого

И.

Вначале было Слово, и Слово
было у Бога, и Слово было Бог.

Оно было в начале у Бога.

Все через него начало быть,
и без Него ничто не начало быть,
что начало быть.

В Нём была жизнь, и жизнь
была свет человека;

Иоанн 1. 1-4

А Аленький Цветочек вдохновенно создавал неуловимые и непостежимые Творящие формы, ликующей песни Творца и человек Его Божественной Жизни.

Я оглянулся, и о, Боже ! Агасфер явил лик всеобъемлющий, в котором предстало великое покаяние и великая любовь, которая являла собой предел до-

ступного для человека.

Смотри и запоминай. Здесь рождаются и умирают миры. А это значит, что ни рождаются и ни умирают. Чтобы умереть надо родиться, и чтобы родиться надо умереть.

Ах какова великая гениальность Господа и Его первого закона. Всему пределов нет, как нет пределов ничему и все во всем себя объемлет, все только так и может быть определено.

Ведь если все определится, то Время-Хаос явится всему, ведь Хаос мать всегда, всему. Всему чему должно родиться, когда ж порядок сотворится, то в нем мечта всем проявится, так быть, должно поверь Ему.

Поэтому то Великий и положил Начало нашего мира освятил его в нашем понимании принципом неопределенности.

Начало это начало, но почему то захотелось немножечко перекусить.

Но где, и что, а спросить не поворачивался язык.

– Ты знаешь, прежде чем мы оставим это место, знай, что в это мгновение по этому тоннелю проносятся тысячи душ человеческих, оставивших жизнь-форму и они спешат на встречу с Аленьким Цветочком, ибо на пороге нового дома они в нем очень нуждаются.

Но, как говорят “Соловья баснями не кормят“, да и я тоже проголодался. Что ж, чем Бог послал и там продолжим.-

Маленький дворик, по всем стенам увитый плющем, свет и тепло от горящего костра. Над головой потрясающий звездный мир – ковер. Что бархат перед ним!? Разбросанные тут и там подушки и подушечки. Журчанье воды родника, наполняющего огромную чашу бассейна и маленькие столики, уставленные. Да чем только не уставленные. И амфоры, наполненные живительной влагой благословейнейшего Фалермского.

Возблагодарим, приступим и продолжим.

Приступить, да, действительно, так просто, только первый глоток вина так заморозил искусством древних кудесников-виноделов, что просто продолжить стало почти невозможно.

Но это только почти. А что стоит за этим почти? Действительно, что? Ну так продолжим и увидим.

Прекрасное вино у меня всегда что-то открывало внутри. Ощущение бытия становилось всеобъемлющим, будто встраивался в стенку, опоясывающую вечность.

Маленькие посиделки.

Войди в мгновенье и просьбы станут не твои.

Я бы назвал – Закон проявления природы виртуальности.

Маленькие посиделки в лаборатории Макса Борна, кто там только не сиживал. Костер затянул только ему одному веданную пламенную песенку.

Костер и родничек. Маленький ансамбль природного блаженства. Они всегда почему-то находили друг друга. Хотя и были в вечной противоположности великих стихий нашей матушки Геюшки. Огонь – Вода – Земля.

Агасфер не на долго погрузился в задумчивое молчание. Затем беседа продолжилась.

Маленький скромный лаборант, обслуживающий спектроскопию. Мне всегда надлежало слушать и исполнять. И следить, как это гениальное сообщество шаг за шагом продвигается по пути вечности и истины. Волна, частица, заораживающие танцы микромира.

Странные у нас, у людей мозги. Все по полочкам, да по полочкам. Ну, а впрочем по другому, особенно в начале пути и не получается.

Да и как может получиться. Если два шара, то один летит в лузу, а второй непременно останавливается как вкопанный, но это если лоб в лоб. Но мы так устроились, настроились, что в основном лоб в лоб.

А если не в лоб. То вдруг, занавеса бархат постепенно приоткрывает сцену Жизни. Где нет ни макро- ни микромира, а просто Мир. Нет разделённости, но мозги нарывают все же делить. А потом поди-ка собери. Воспоминания – забавная вещь.

Наверно Верну Гайзенбергу спектральные линии атома водорода не давали покоя даже во сне. Как то, а я понял, что он нуждается в последней капле, ибо чаша его сознания уже наполнилась и нужен был маленький импульс.

Я с невинным видом подсунул ему спектр излучения Цветка Аленького, под видом водородного, где все линии поглощения были смещены со своих насыженных мест.

Он ничего долгое время не признавал. Факт эксперимента. А факт есть факт. И его на козе не объедешь. Но это не вмещалось ни в какие понятия, там что-то было и чего-то не было.

– Ну понимаешь, Аги, – наконец то он отошел. – Это непременно надо повторить. Давай журнал и готовь эксперимент.

Наконец то время настало. И я открылся. А свой спектр он сам собственноручно отснял. Здесь. И потом, вот так же под песнь огня и воды я раскрыл ему Реальность.

Великая игра в поддавки. Спрашивай, отвечаем. Как спросишь, так и откроется.

Вопрос, любопытствующий. Я и вопрос; и ответ. Я сторона медали. Я дырка от бублика. Звук хлопка одной ладонью. Парадоксы которые ни есть ими и вновь становящиеся. Волны, частицы.

А, ты спроси у света. Что он есть такое ?. Волна или частица. И в ответ получишь ослепительную улыбку.

*Я ни волна и ни частица
Я то, что так всегда светится
Я убегаю и ликую
И жизнь тебе свою дарю.
Я есть все то, что неизменно
Но неизменна ли Вселенна?
Я то, что каждый представляет
Но и не то, я убегаю!*

Маленькие посиделки в лаборатории Макса Борна, кто там только не сиживал. Но тогда эта посиделка превратилась в торжественное недоумение. Ибо знаменитая фраза Вернер, **о том, что нельзя одновременно измерить импульс и координату микрочастицы** и что это связано с объективными свойствами материи, погрузила присутствующих в долгое размышление. Слава Богу! кофе хватило на долгое время.

И конечно эти минуты размышления. А, затем вначале робкие, как бы про себя высказываемые мысли, постепенно обретающие странную и противоречивую стройность осознания и услышенного и от услышенного, как в фокусе сконцентрировались на понятии объективного свойства материи.

Всех охватило чувство сопричастности с чем-то таким, что разум вместить не был в состоянии.

Да, конечно, понятие о неопределенности состояний взаимодействия в глубинах микромира была принята сразу, тут не о чем было спорить, но вместе с этим одновременно вызрела и была озвучена мысль о том, что неопределенность присутствует во всём и только мы не в состоянии это осмыслить.

Нет ничего фиксированного и все приходяще и то, что мы привыкли называть материей, не более чем игра нашего воображения и при этом не самая лучшая игра.

Всё находится в непрерывном творящемся состоянии. И вот тут-то усилия Бога и человека, объединены в единое Начало. Бытие играет с Небытием.

Вспомнилось, как это у Святого Василия: **Не таково ли время, что в нем прошедшее миновалось, будущее еще не наступило, настоящее же ускользает от чувства прежде, нежели познано? А такова природа и бывающего в сем мире. Оно то**

непрерывно возрастает, то умаляется, и явным образом не имеет ничего твердого и постоянного.

– Да не таково ли время? ибо и оно приобретает определенную область локализации, только при взаимодействии с чем-то другим, а наш разум является таковым.

Мысли скромненького лаборанта Аги. Да принесли они пользу.

Казалось, что маленькие язычки пламени соприкасались со звездами. Текла неспешная беседа. Слова кружевами мыслей вплетались в мелодичное журчание и наполняясь, еще не познанным смыслом, замирали в раздумье. Уже их жизнь собственная.

– Огромное количество времени я брожу по нашей матушке Геюшки и не перестаю удивляться простому. Простому утру, дню, вечеру. Этому непрерывному движению событий, чувств, да, да и времени тоже. Конечно св. Василий прав: **прошедшее миновалось, будущее еще не наступило, настоящее же ускользает от чувства прежде, нежели познано!**

Постоянная виртуальная чехарда. Она то и заманивает нас в ловушку сложностей. Вспомнилось: день третий Великого Творения

И был день Третий.

Среди необозримых пространств девственного леса тот тут, то там были вкраплены бесчисленные лужайки. Огромные, едва касающиеся горизонта, не очень большие, где глаз обнимал ещё далекую синь великих лесных исполинов и совсем маленькие и очень ягодные, где потом вдоволь можно было покувыркаться, набить полный рот чем-то необычайно вкусненьким, полежать с открытыми глазами, уносясь в бездонную лазоревую голубизну и мечтать, мечтать и мечтать.

Бесчисленные лужайки, то ярко красные, то оранжевые, то изумрудные с светящимися малахитовыми прожилками, то бюрюзовые с янтарным отсветом, то такие пестрые, как будто каждая планета великой Вселенной подарила им свой любимый цвет. Созвездия великих явленных Миров.

День третий.

По всему необозримому пространству планеты то там, то здесь можно было видеть лучезарные группки Существ.

Они весело переносились от одной лужайки к другой, зачерпывали в ладошки хрустальную синь воды, пробовали её на вкус и весело смеясь брызгали друг другу в лицо. Дети есть дети, даже если они и Ангелы.

От каждой лужайки исходил аромат Присутствия и он был неповторим. Различались оттенки мира грёз, мира вечернего солнца, опускающегося на перво-

зданное ложе океана, мира утренней росы и мира полуденного зноя перемешанного с вечерней прохладой.

Сами того не сознавая, они вдыхая аромат Присутствия, тоже творили этот удивительный мир, внося в него обертоны своих чувств и мечтаний.

Вся вселенная рождала еще одно неповторимое чудо.

Я помню чудное мгновенье

Передо мной явилась Ты

Как мимолётное виденье

Как гений чистой красоты

А. Пушкин

Весь Гений нового мира творился в чудных звуках Божественного Слова. Задав дыхание, следя за своим Творчеством, Божественная Мечта облекалась в форму красоты и форму жизни. Планета радовалась и ожидала.

Ожидала Главного. Главной формы и Красоты Божественной мечты. Явление Человека.

Явление Человека. Странно, вот я человек, я с детства привык к тому, что я человек и вокруг меня огромное множество похожих на меня человек – мы так сами себя назвали. Рой мыслей в душе каждого! Планета многообразья, бесчисленных творений форм.

Так кто я в этом мире праздном? Что я такое, в чем мой долг?

Водоворот и мыслей взоров. Водоворот и праздный смех.

А если праздности узоры вплетутся в юный синий снег,

А если праздности узоры – какая мысль в ответ пришла,

А если праздность это слово и бесконечность Бытия.

Узор, от мыслей нет спасенья.

Их яркий, нежный хоровод столкнулся с тем, что праздность – тленье,

А может быть наоборот. Вот это мысль, вот поворот.

А, что я в Его замыслах.

Храм своим величием, всегда роднил и одновременно отделял. Роднил со всеми и отделял от всех. Врата отношений. Или все придумано. Все, . Все, . Все, Все!

Крик собственной души, всегда замирал к куполах и отразившись от них с новой силой заставлял кричать вновь. Я человек!

Бесконечные годы, бесконечных явлений человека. А собственно говоря почему человека?

В чем его отличие от других форм мысли во Вселенной? В чем его уникальность по замыслу ТВОРЦА или обыденность? Просто обыденность. Но в Вели-

кой Вселенной нет обыденности . Так, что тогда? Действительно, что тогда?

Тогда, тогда только Творец.

А, что я в Его замыслах?

Великая загадка смысла моего существования или не существования по замыслу Творца. Да откуда мне знать Его замысел, действительно откуда. Но узнать, отгадать, осмыслить – просто необходимо. Ибо без этого всё **ПРАХ**.

Быть. Светлейшая мысль Зор Алефа.

Огромная копна белоснежных седых волос разлетелась по всему пространству, там где был Альберт Великий.

Мечь в его руке, разил последние остатки его сомнений. Мир сузился для нанесения последнего удара. Что человеческие сомнения?. Великие колокола Вселенной!

Их набат не дает встать. Лицом в грязь, размазывая пот и кровь. Еле шевеля разбитыми в манную кашу губами. Проклиная все на свете. Воя и всхлипывая. Захлебываясь собственной блевотиной, отрицая все на свете.

Но там, в бесконечной глубине начала себя, помнишь и никогда не отступишь. Ибо отступить не возможно. Мечь в руке каждого.

Боже! Да, как же тяжела шапка Мономаха. Но еще тяжелее мечь разящего; самого себя. Ибо другого не дано.

***Знаю твои дела; ты ни
холоден, ни горяч; о, если бы ты
был холоден или горяч!
Но как ты тепл, а не горяч
и не холоден, то извергну тебя***

из уст Моих.

Отк. 3. 15-16.

Господи спаси и помилуй!

Ибо нет нас. Есть только Ты! А, мы только Благая и Светлая мысль Твоя , со-знающая себя только чрез Тебя. Ибо мысль Твоя бесконечная и никогда не прекращающаяся песнь – движения Бытия Светлого, Истины Благодати, данное нам в Дар.

И вот также как и с тобой, здесь у костра; он, великий Фома Аквинский, как бы в горячке повторял одно и то же.

– Но я должен им всем доказать, ибо Вера их тепла **Господи! Да не изверзни их из уст Твоих!** Да не изверзни их из уст Твоих.

– Ты понимаешь Агасфер, что значить быть изверзнутым из уст Господа. Да, конечно, ты понимаешь, как никто другой, вечный мой скиталец.

Печальная улыбка тронула губы Агасфера, и сердце моё готово было разорваться от непередаваемого глубокого отчаянья, сокрытого в этой улыбке. Он

отметил своё состояние и уже вновь светло улыбнулся. Раскаянье творит чудеса.

– Ну, а тогда, что Фома Аквинский? – с нетерпением спросил я.

– О, Фома. Ему все хотелось излить на мир свои доказательства бытия Божия. Ну посуди сам. Если человек верует, то зачем они ему. А если не верует, то они ему и вовсе не нужны и скажу больше, они для него опасны. Ибо на гребне его гордыни так захочется возвыситься, что мало никому не покажется. Доказательства Фомы это меч в его руке. Да отсеки свои сомнения. А, что касается Господа.

Так и без доказательств Он Сущий, объемлющий Сущее и что Ему наши доказательства. Маленькие детские игры.

Вот в этом то и сокрыта вся суть игр ребёнка, непрерывное движение маленького непоседы. Непрерывное движение улыбки и дыхания Сущего.

Фома так красиво это обставил. Припоминаешь:

“В природе происходит движение. Ничто не может начать двигаться само по себе, для этого требуется внешний источник действия. Бесконечный поиск источника предыдущего действия бессмыслен. Следовательно, должно существовать нечто, являющееся первоначальным источником всякого движения, не будучи само по себе движимо ничем иным. Это и есть Бог.”

Внезапно по всему видимому горизонту явилась ослепительная полоска, она разрасталась, ширилась, а в ней то там, то еще неведь где, появлялись сполохи радуги. И было что-то в этих радугах странное, непревычное.. и отличительное от моего опыта встречи с этим удивительно прекрасным. Сириус во всем своем блеске явил себя. Ну да! Земная радуга шла от красного и вливалась в Бытие ультрафиолетовым. Но здесь и сейчас они были другие. От ультрафиолетового до темнокрасного. Явление высшего взгляда Божественного для человеческого. Горные звуки, обретенные в свете, напомнили о Присутствии.

***Как небо часто по утру
Лишь только лучик сотворится
Явит себя во всей красе
И только б случаю случится
И только Свет ночной Зори
Прольет картину мирозданья
Случится Радуга и свет оденет все свои сиянья.***

Непрерывное движение маленького непоседы. Радуга-Бог. Сириус-Бог. Всё сущее Бог. А ослепительная полоска уже превратилась в другое светило и песчаные барханы приняли в себя всю игру фиолетовых радуг.

– Довелось ли тебе, – спросил Агосфер, – наблюдать движение воды в маленьких горных и очень крутых ущельях. Припоминаешь, как она срывалась с больших высот, образуя внизу маленькие тихие озера в скальных ложах и за-

тем вновь срывалась могучим потоком.

Могучий поток и маленькое озерцо, казалось несопоставимо. А по сути, что там, что здесь, одно и тоже количество воды. Великая иллюзия движения и кажущегося покоя. Все сокрушающее на своем пути и все принимающее в себя. Но дающих жизнь единую.

Тогда в Гефсиманском саду весь мир, затаив дыхание стремительно приблизился к своему порогу и замер перед выбором: сверзнуться все сокрушающим потоком или также стремительно рвануться вверх. Движение. Но какое?

Он сказал: пойдите в город

к такому-то и скажите ему:

Учитель говорит: время Мое

близко, у тебя совершу пасху с учениками Моими”.

Матфей 26.18

Его состояние меня ужаснуло. Внешне он был спокоен, но я видел, как весь его внутренний мир обрушился.

Впрочем, Сын человеческий

идёт по предназначенному; но горе

тому человеку, которым Он предается

Лука 22.22

Кожанный кошелек с тридцатью сребниками полетел в угол. Я видел, как его сознание разрывалось на маленькие осколки кривого зеркала. Ледяная пустыня космического холода могла показаться Сахарой. Что, творилось в душе его? В душе которая соприкасалась с Любовью. С той Любовью, которой нет названия на языке человеческом. Только иногда в высшие секунды прозрения человеку дарилось это состояние соприкосновения. И это оставляло глубочайший след в его душе. Что мудрость по сравнению с этим. И ему это соприкосновение было отмерено полной мерой. И он все таки отступил. Ах, это гордыня человеческая. А кошелек с тридцатью сребниками лежал в углу и вся пыль Вселенной не могла поглатить его.

Слов не было. Да и что тут можно было сказать . И еще более обсуждать.

Но у меня ещё теплилась маленькая надежда , что эти тридцать сребников исчезнут с явленного плана Бытия. Им не должно было иметь места. И все зависило только от него. Нужно было только признать внутри себя, что нет мудрости превыше Любви.

Он поднял на меня глаза в которых святилась невыразимая душевная мука.

– Ну ОН же сам сказал: Впрочем, **Сын человеческий идёт по предназначенному**; Сам сказал. – Он умоляюще смотрел на меня.

– Да сказал, ответил я. Он сказал, а ты решил благородно по участвовать в этой Великой трагедии.

– Но если не я? То кто?

– Ах, друг мой, в этом вся траектория твоей гордыни. Не надо брать на себя неизреченное тебе Господом.

Но в его глазах я прочел только великое желание быть вершителем и стать вровень с Ним.

И тридцать сребников остались лежать в углу. Да впрочем, они до сих пор там. Хочешь взглянуть?

И они останутся там до той поры, пока останется хоть одна душа, в которой останется желание стать вровень.

– И я не избег этого желания.

Да, нас было трое: Он, Иоанн и я. В них да и во мне, так говорили наставники, уже начало проявляться сознание должествования, которое повело нас по земным путям. Но Их пути: величайшее духовное движение восходящего ряда. А мой: ведь уже тогда во мне созрело желание встать вровень с Ним.

И я пошел распорядиться о приготовлении дня опресноков; соприкосновение произошло!

*И пошли ученики Его,
и пришли в город, и нашли
как сказал им; и приготовили пасху.
Когда настал вечер, Он
приходит с двенадцатью*

Марк 14. 16,17

Впереди прошли Иоанн и Петр, за ними остальные. Он и Иуда вошли последними.

А кожаный мешок лежал в углу. Иуда, как бы споткнулся об него. И Его рука поддержала. Несколько секунд они стояли пред ним. Великое милосердие Любви. Наши взгляды встретились.

– Тебе вновь пора двигаться и да искупится всё для тебя в земной доле и доле до времени.

“В природе происходит движение. Ничто не может начать двигаться само по себе, для этого требуется внешний источник действия Это и есть Бог.” Ай да Фома.

*Фома сказал Ему : Господи!
не знаем, куда идешь; и как
можем знать путь?*

Иоанн 14.5

Агасфер улыбнулся.

– Ну вдумайся. В этом есть весь Фома: **“Господи! не знаем, куда идешь”**. И многие столетия спустя другой Фома утверждает – **Ничто не может начать**

двигаться само по себе, для этого требуется внешний источник действия
Это и есть Бог. Вот всмотришь; оба Фомы объединились в одном в **“Движении”**

....потому что

Я к Отцу Моему иду.

Иоанн 14.12

В этом великом триединстве: **пути, движении и цели** заключена изюминка первого доказательства существования Господа и присмотришь к этому триединству. Оно заключено само себе, оно не разрывно и постижимо только как триединство и ни как по другому. И вспомни;

Каждое следствие имеет свою причину. Бесконечный поиск предыдущей причины бессмысленен. Следовательно, должна существовать “беспричинная причина”, первопричина всего последующего. Это и есть Бог:

Доказательство второе, космологическое (Фома Аквинский)

Тёмный лик распятия излучал неуловимое

В монастыре ни когда не было тепло. Лампада в дальнем углу его маленькой кельи тихонько теплилась. Не согреешься. До утренней молитвы было и много и немного времени. Молитва утра, она и канон и чистый родник изливающийся из души. Движение мысли и веры творящей на этом великом пути. Темный лик распятия излучал, неуловимое.

– Ах Фома, тебе надо было бы пройти вместе с Ним и все твои доказательства не понадобились более. Да впрочем я тоже не прошёл с Ним. Но прости меня, это уже другое. А тем, кто обратится к Имени Его, какие нужны доказательства.

– Да, ты прав Агасфер. И Вера Его апостолов была сродни трости колеблющейся, так что говорить о нас.

Сколько лет мои утренние молитвы я возношу к престолу Его, сколько лет. И вот только сейчас пришли доказательства и они прежде нужны мне самому.

– Да, Фома, и они прежде нужны тебе самому.

Блаженно всё, что Бытие

Прошлое, настоящее, будущее, такие привычные категории моего сознания. Вчера, сегодня, завтра. Еще более родное.

Ну почему Господь отмерил такое восприятие? Почему? Почему, мир Его обитания настолько отличен от того к чему я привык, что контакт практически невозможен.

Я привык. А странно, кто это я и к чему я привык?

Иллюзорные игры сознания. Сознание связанного со всеми символами этого мира, открытого мне благодаря шести органам чувств. Шестое – интуиция, озарения, если хотите. И разговоры с пеленок, непрерывный калейдоскоп общения друг с другом. О чем? Да в общем смысле, в основном ни о чем.

Что-то по ночам стало как-то особенно холодно. А пустыня пока не отпускает, а скоро предстоит идти. Это единственное, что постоянно осознал, как только стал смышлёнышем.

Великий Храм Иерусалимский, с собранными со всего мира не менее великими драгоценностями и убранством. Плиты истертые сотнями тысяч ног, сладкий запах жертвенной крови и необычайная глубина, растворяющегося в небесной сини главного храмового купола. А сколько светлых переходов, маленьких зеленых, солнечных дворишков и аскетических келий затворников и всё это тайная и необычайно строгая жизнь Храма, сокрытая от постороннего взгляда.

Маленькие, ещё совсем юные пророки и седовласые старцы, составляющие единую семью о которой мало, кто знал. Они жили уединенно и именно о них можно было сказать: **избранные среди избранных** .

День восьмой, день обрезания крайней плоти всех мдаденцев Израиля. День Великого исполнения завета.

*Сей есть завет Мой, который
вы должны соблюдать между
Мною и между вами и между
потомками твоими после тебя:
да будет у вас обрезан весь мужеский пол.
Восьми дней от рождения да
будет обрезан у вас в роды ваши
всякий младенец мужеского пола.*

Бытие 17 10, 12

Мы Его народ и Он наш Бог. Так повелел и так передал Моисей. Ты мой народ Избранный. Так повелел и так передал.

Избранный – какая Великая, тайная магия этого слова. Избранный для чего?

*Господь увидел, что он идет
смотреть, и воззвал к нему Бог
из среды куста, и сказал: Моисей!
Моисей! Он сказал : вот я!*

Исход 3. 4

Горящий куст уже перестал светиться, а только для него и только ему одному слышный Голос повел, нескончаемую песнь Любви.

Образы, символы, как синие радуги скользящих миров. заполняющих все

зримое и помысленное пространство, раскрывали ему свои тайны. Тайны, которые еще надо было сотворить вместе с Ним. Народ – избранный.

Знаки, знаки великих младенцев, которые станут великими Учителями. Не упустить ни одного из них, успеть выделить их в великое Белое Храмовое Братство и потом принять от них новые светлые лучики Учения – Света.

Таинство обрезания. Форма – закон, который повелевал каждого младенца мужского пола предстать пред Ним.

И в этот момент они узнавали друг друга.

– Я избрал тебя на путь подвига и страдания ради них. Ибо только пройдя путем страдания во плоти сотворенной, ты лучше поймешь их и лучше передашь им Моё Страдание и Мою Любовь.

Восемь дней моей новой жизни. Особенно хорошо, когда только начинается, когда все больше и больше становится света.

Вот его – то я сразу узнал, как только услышал собственный крик.

А до этого, долгое время было очень хорошо. Часто приходили какие-то непонятные звуки, правда очень тихие и ласковые; иногда прикосновение от которого становилось особенно приятно, но более всего тишина. Потом вдруг овладело какое-то беспокойство. Движение. Что-то сильно сдавило и сразу стало легко. Резкий шлепок. И собственный крик.

Восемь дней узнавания этого мира. Восемь смен света и темноты и конечно этот влекущий блаженный запах. Теплое и округлое мягко приближалось и блаженная вечность наполняла всего. Правда надо было немного потрудиться, но это только доставляло радость. Радость узнавания.

День восьмой. Запахи родного места сменились другими и непонятными, но что-то в этой непонятности присутствовало, волновало и приносило привкус узнавания.

Любящие руки положили на что-то твердое и ласковый поцелуй внес в душу можорную музыку Любви.

Вдруг глаза почувствовали, как пространство рванулось ввысь и растворилось в высочайшей голубизне Храма. Затем тоже пространство свернулось в ослепительную вспышку – молнию и коснувшись краней плоти исчезло в неведомом.

Вселенная взорвалась.

*, - и се, отверзлись Ему небеса,
и увидел Иоанн Духа Божия,
который сходил, как голубь,
и ниспускался на Него.*

Матфей 3. 16.

И обрел Иоанн Имя!

Имя? Имя? Имя! Имя!! Имя!!! До чего ж странно устроен Мир. Оказывается, чтобы в нем Жить надо обрести Имя. И не просто жить, а творить именем Его, а для этого надо обрести Имя.

Дальние вершины гор уже приняли на себя пурпуровый окрас солнышка восходящего. Светлые воды Иордана перешёптывались с ним. Кто мог слышать, тот услышал. День только зачался.

Но они уже толпились перед ним: мытари, воины, храмовые служители, блудницы и попрошайки, убогие и воры. Странная помесь корысти, благочестия, учёности, показной святости, порока и красоты людской.

Что их привело? Креститься и каяться. Но не принести покаяние к престолу Его, а потом креститься. Очередное человеческое.

Но он крестил и крестил неустанно. Ибо всё должно так исполниться.

Маленьким тихим ручейком под всплески благодатных струй Иордана они подходили и под благодатью его руки принимали крещение. Людкой поток проходил и проходил.

Учи восходящего солнышка немного ослепили его. И Иоанн слегка прикрыл глаза. И рука его прикоснулась. Благодать явила себя. Наступила та секунда его времени к которой он шёл годы долгие.

Вся сила его неприкрашающейся внутренней молитвы излилась на Него. Свершилось то к чему он был призван. А Он принял от него все. И стал свеобъемлющим.

Иоанн поднял голову и долго долго оставался стоять, глядя на фигуру Удаляющегося.

А Тот уходил, уходил, уходил, но многие ли последовали. Движение исшедшее от своего Истока. Причина от первопричины. Душа Иоанна возликовала. Он исполнил, он был причиной Его благословившей и что было доказывать.

вода в Иордане продолжала свой нескончаемый бег присутствуя в своей собственной причине и радуясь своему истоку.

Лик распятия осветлялся

Каждое следствие имеет свою причину. Бесконечный поиск предыдущей причины бессмысленен. Следовательно, должна существовать “беспричинная причина”, первопричина всего последующего. Это и есть Бог.

Лик распятия осветлялся. Пламя маленькой лампадки переливалось звездочками и располагало к размышлению. Утренняя молитва приближалась. Каждое следствие имеет свою причину.

Да Фома, что было доказывать. Вспомнилось твое: **Ничто не может начать**

двигаться само по себе, для этого требуется внешний источник действия. Это и есть Бог.”

А пламя маленькой лампадки попрежнему переливалось звездочками и располагало к размышлению.

– Вот ты утверждаешь и в этом ты совершенно прав, что ничто не может двигаться само по себе. А если по другому. Никто не может двигаться сам по себе, ну понимаешь, ну понимаешь; но я ведь существо самодостаточное.

Представляешь, я существо самодостаточное. Сам себя измыслил, сам для себя создал хромосомную карту, сам выдумал ДНК. Затем тихонько и спокойно себя сконструировал и через механизм рождения; поехали.

Когда-то, ну не в совсем далеком будущем, некто очень умный и известный естествоиспытатель, вот в такой же беседе выскажит очень забавную мысль о сути атеизма: **“Нас никто не принуждал поверить в то, что атеизм – это правильно, а религия – неправильно. Дело всего лишь в образовании, которое приводит к такому выводу, потому что существующие в мире законы не требуют присутствия Господа Бога. Все и так без Него может быть познано – это, безусловно, результат изучения науки.”**

Очень великая мысль. – Существующие в мире законы не требуют присутствия Господа Бога – Да и зачем следовать, ведь уже **созданные Им законы** и вовсе не требуют Его присутствия.

Ах, милые вы мои атеисты. Ведь и не вдомёк, что законы это только способ описания явлений и систем, созданных и непрерывно развивающихся.

А развитие всего, что движется не мыслимо без Его присутствия. **Впрочем, многие ли последовали с Ним?** А, ты знаешь, что самым первым атеистом был апотол Филипп. Припомни

**Филипп сказал Ему: Господи!
покажи нам Отца, и довольно для нас.
Иисус сказал ему: сколько
времени Я с вами, и ты не
знаешь Меня, Филипп? видевший
Меня видел Отца ; как же ты говоришь:
<<покажи нам Отца?>>
Разве ты не веришь, что Я
в Отце, и Отец во Мне? Слова,
которые говорю Я вам, говорю
не от Себя; Отец, пребывающий
во Мне, Он творит дела.
Верьте Мне, что Я в Отце,**

*и Отец во Мне; а если не так,
то верьте Мне по самым делам*

Иоанн 14. 8-11

И потом другой скажет: Какая разница? То, что я не верю в Бога означает, что для меня он не существует. Вот и всё мнение атеиста, которое я никому не навязываю. Мнение существа ограниченного.

*Граница, для границ, как Ницца в волнах пляжной моды,
потертый френч, роскошный франк
и роба затаежной позы
клик, стой, куда, назад, летит,
летит стрела без принужденья
роскошный фрак, взаклёб собак и свет вечернего мгновенья,
пушистый снег, весна, росток,
желанье, так воды испится,
зарок, престол, молитва, срок,
слезой молитвы всё проститься.*

Доказательство третье (Фома Аквинский): Все предметы мира находятся во взаимосвязи и взаимоотношении друг с другом, и их существование возможно только во взаимосвязи и взаимоотношении. Однако бесконечный поиск предшествовавших друг другу взаимоотношений и взаимосвязей бессмыслен. Следовательно, должно существовать нечто, абсолютно независимое и совершенно самодостаточное. Это и есть Бог

“Нас никто не принуждал поверить в то, что атеизм – это правильно, а религия – неправильно. Дело всего лишь в образовании, которое приводит к такому выводу, потому что существующие в мире законы не требуют присутствия Господа Бога. Все и так без Него может быть познано – это, безусловно, результат изучения науки.”

Агасфер лукаво улыбнулся. Давай-ка немножечко поразмыслим. По хронологии: Все предметы мира находятся во взаимосвязи и взаимоотношении друг с другом, и их существование возможно только во взаимосвязи и взаимоотношении. – Фома Аквинский, кстати, получивший блестящее образование уровня своего времени.

А припоминаешь, как блестяще осмыслили они на своих посиделках: **Да конечно, понятие о неопределенности состояний взаимодействия в глубинах микромира была принята сразу, тут не о чем было спорить, но вместе с этим одновременно вызрела и была озвучена мысль о том, что неопределенность присутствует во всём и только мы не в состоянии это осмыслить. Нет ничего фиксированного и все приходяще и то что мы привыкли называть материей не более чем игра нашего воображения, и при том не самая лучшая игра. Всё находится в непрерывном творящемся состоя-**

нии. И вот тут-то усилия Бога и человека, объединены в единое Начало Бытие играет с Небытием.

И они обладали блестящим образованием уровня своего времени.

И вот, если хочешь, мы подходим к главному. Объединены третье доказательство с принципом неопределенности и нужно ли после этого считать себя атеистом.

Всеобъемлющий и постоянно изменяющийся ритм творящего Бытия ибо: “В природе происходит движение. Ничто не может начать двигаться само по себе, для этого требуется внешний источник действия Это и есть Бог.”

– Очень давно услышенная сказка мне припомнилась; улыбнулся я Агасферу.

– Ну так Расскажи, – промолвил он.

В тридевятом царстве.

В тридевятом царстве, в тридевятом государстве **(так всегда начинаются все русские сказки)** жили были светлые и неуловимые.

Пресветлый давал Бал. Его лучезарная Дочь достигла творящего возраста и новое Бытие должно было сотвориться.

Уже много, много, вневременного времени Великие герольды фотончики носились по всему невообразимому не пространству с радостной вестью.

Пресветлый дает бал в честь нового творения.

Неописуемая радость наполнила все будущие сердца. Наконец-то!

Ведь каждый мог принять участие и открыть свое виртуальное сердце на встречу.

В каждой виртуальной душе возникала ликующая симфония гармонии рожденных форм нового Бытия.

И первой явилась Музыка. Ах эти бальные хлопоты. Они всегда и везде одинаковы. Костюмы, маски, шлейфы, наряды, шляпки, Дамы и Кавалеры.

Радуйся Венеция, Бал.

Первой вступила волшебная Флейта. В её мелодиях зазвенели капели, первые эдельвейсы открыли свои лепесточки навстречу Солнышку, а пригретые его лучами скалы, охорашивались в прохладе талых ледниковых вод. А подснежники? А подснежники, затеяли свой белый вальс на прогретых проталинках.

И чуть-чуть, почти неуловимо, одним волшебным дыханием коснулся смычок струн волшебной Скрипки.

Под эти волшебные звуки, в Божественной зале, первыми закружились в волшебном вихре танца неуловимые и всегда невидимые, а от этого ещё более прекрасные – Феи, ароматы будущего проявления. Ароматы никогда не прикасающихся прикосновений. И в этих прикосновениях возникали тончай-

шие вуали гравитационных волн, нежнейшие пряди электромагнитных струн, ослепляющие, никогда не прикрашающимся мерцанием, тончайшие покрывала слабых проникновений всех атомных миров и их визави сильнейших былинных богатырей .

Чуткое ухо уловило нежнейшее вплетение мелодии волшебного Габона. Арагонская хота. Она чуть слышно, чуть шёпотом, постепенно убыстряясь и нарастая величавым вихрем – гимном Славы Устроителя, явила сверкающие кареты величественнейших Королей нового Бытия.

И предстал Их взору во всем своём неопишущей величии король Диамант.

Его главу венчала Алмазная корона и не было равных ей. Из под копыт его черно-вороных коней вылетали виртуальные струны новых вселенных и миры рadowались в предвкушении новой жизни. Все шалунишки взаимодействия бросились занимать места в его карете в предвкушении: может быть Человек возникнет.

И великий король Рубин, еле сдерживая своих, сверкающих всеми радугами, коней благосклонно принимал своих чудой богатырей.

И вместе они свершат великое Чудо жизни новой.

Все еще не явленная Красота прихорашивалась перед Вселенским зеркалом. И вот так, каждый раз перед появлением на свет Божий.

Вступайте, вступайте восторженно хлопая в ладошки, вскрикнула Принцесса. И они присоединились.

Скрипки, альты виолончели. Постепенно мжорное звучаней рождало удивительное ощущение возникающего Пространства.

– Каким оно будет на сей раз, – наклонившись, к Её ушку спросил Он.

– Я и сама не знаю, – тихо ответила Принцесса.

– Только эти маленькие шалунишки сотворят его. Но это будет просто новое Чудо, но вот что всегда удивительно, каким образом они узнают то, о чем Ты помыслил?

И вот пришла медь. И она с великим восторгом поддержала тему волшебной Флейты. Бал приближался к своему апофеозу. Еще не было человека и не было слов, чтобы передать этот Восторг.

И Слово пришло.

***В начале было Слово, и слово
было у Бога, и слово было Бог.***

Иоанн 1.1

И да исполниться и да наполнилось. И каждая жизнь проникнется. Великий антропный принцип.

Флуктуация пространственно-временного континуума становится немислимой при проникновении в него наших ощущений. И сотворился Человек.

И грянули литавры и барабаны и Великое крещендо излилось.
Родилось Новое Бытие.

И они помчались каждый по своему Лучику, творя Вселенные.

И вновь Великая тишина Творящего Генія наполнила Зал.

– Ты знаешь, – едва слышно, прошептала Творцу Принцесса, – они почему-то назовут это Большим взрывом, да ещё из одной сингулярности. Неправда ли смешно?

И Он едва уловимо улыбнулся. Ну пусть будет из одной. Если им так захочется.

И открылась безумная Вечность

Обретаясь в лоскуточках памяти

отметая мысли разумные

я воплю в закаулках сознания

принимая стихи безумные .

Сотворяя стихи безумные

мир в себе кверху ногами сворачивая

я ищу те секунды безумные

что потом по часам растрчиваю.

От безумия нет спасенья

нет желанья вернуться в обратное

если что и осталось во времени

то его не вернёт мне привратник.

Дверь с поклоном открывает низким

чаевые сгребёт оскаблясь

донесет чемодан до лифта

и исчезнет, как мим из сказки.

Там в коморке своей унылой

в сундучок, опоясанный вечностью

на лице с хитроватой миной

бросит ношу мою извечную.

А я снова помчусь по свету

проносясь в переулках и кланяясь

оставляя в чужих каретах

и остатки души и памяти.

Ничто не может начать двигаться само по себе, для этого требуется внешний источник действия Это и есть Бог.” И это есть Бог.

Искорки от горящей головни фатомным феерверком устремились к небу, к безумию звезд. Мысль обожгла.

Сколько времени я нахожусь рядом с Агасфером и до сего времени не удо-

сужился спросить.

А кто есть Бог?

Ибо сейчас на всей планете ни одного человека, который смог бы мне ответить на этот вопрос. Однажды Ошо сказал, что в правильно поставленном вопросе уже существует ответ.

Пламя костра вспыхнуло с новой силой и пустыня вздохнула мирриадами своих песчинок. Агасфер проник руками в это пламя и они сблизились. Я замороженно наблюдал. И мысли удивления покинули меня.

Он поднял голову, взглянул на меня.

– Ты хочешь получить знание о Боге ? Ну так стань бессмертным!

А Кто есть Бог?

Когда-то, в очень старозоветные времена, когда только солнышко явило свои лучи и дни явили свой отчет Он долго, долго любовался сотворенным и явленным.

Горы раскрывали перед ним свои долины. И водопады беседовали с Ним. Изумруды морских песчинок набегали вместе с волнами на золотистые берега.

Вечные снеговые вершины молчаливо внимали Его мыслям.

Ветры скользили, обнимая маковки цветов и басовито переговаривались в кронах вековых деревьев и вся Вселенная узнавала себя в каждом своем дыхании.

И изумился Он. И спросил Он самого себя. Это ли соделал Я? Это ли Я. **И кто есть Бог ?**

Причудливый танец огня непрестанно менял свои очертания. Он кружил, заволакивал и ощущение не реальности не покидало. И кто кроме них, кроме саламандр, ещё мог выказать во всей волшебной напевности Его Образ.

Их причудливый танец полный невыразимой эспрессии вбросил нас в грохочущий авациями зал Гранд опера.

Ах эта волшебная труппа, величайшего мистика Георгия Гурджиева. Они взлетали над сценой и крылья ночи подхватывали их. В этой ночи переплетались вселенскими струны мироздания, и внезапно вспыхивающие звездочки, словно лучезарные мостики соединяли всё в единое целое.

И гибкие, звездные тела танцоров вплетались в хоровод танца, рождающего звездные миры, водопады мироздания, шёпот лунного света и лучезарное таинство черных дыр, этих великих маяков бытия.

Аплодисменты давно уже превратились в ритмы восторга в ритмы благоговения и улыбка великого мистика благодарно освещала их.

И саламандры ликовали. Безумие; создания творящего начала.

А в противоположной кулисе, завернувшись в иссине черный плащ, расшитый сполохами молний стоял Великий маг.

И кто знал Имя Его?

Всегда всё , отдав последние силы в танце жизни преподало к ногам его.

К ногам Великого безмолвного Ничто из которого не было возврата.

А впрочем кто знает?

А костёр разгорался всё сильнее. Я замороженно следил за полетом вертузных па, как вдруг боковым зрением узрел, как на границе света ночи обрисовались две величественнейшие фигуры: мистика и Мага. Творящего и принимающего.

И встал Агасфер и, видя мою вскакивающею поспешность, ободряюще мне улыбнулся. Они приблизились.

Я никогда ни видел ничего более величественного и более простого, чем их движения. Вся гармония вселенной выказывалась в каждом шаге и хотя они шли не более семи секунд, казалось целую вечность.

Откуда-то появились два великолепных персидских ковра с разбросанными на них подушечками и инкрустированный янтарём и малахитом на трех точеных красного дерева ножках фынг, уставленный явствами и напитками.

– Твое гостепреимство известно, – мягким, бархатным голосом произнес Маг. – Мы рады разделить с тобой эту трапезу.

– Неправда ли великий? – Обратился он к мистика.

Тот только улыбнулся и в его глазах засветился огонь тайны. Агасфер жестом пригласил их, а я остался стоять как вкопанный.

– Присядь, – произнёс мистик и прислушайся.

– И так, ты хочешь получить знание о Боге ? Но помни для этого, как минимум, нужно стать бессмертным!

И что я мог сказать, да, действительно, что? И вообще, что я знал о бессмертии. Все мои знания были получены из книг и безотечных мечтаний. Бессмертия существовало в моем воображении, как бесконечное существование моего брэнного тела. Да и как же ещё? Действительно, как? И только сейчас, я вдруг ощутил, как это скучно. Какая же это скукота, мое предполагаемое бессмертие. Наверно спектр моих мыслей и чувств был им доступен.

Это я понял по их сочувственным взглядам. И улыбнулся великий Маг.

– Припомни, – обратился он к мистика, – точно также, когда-то мы стояли с тобой за кулисами.

О, великая Генуя! Ты как всегда справа, я слева. Громадная зала переливалась мерцающим желтоватым светом. Сотни свечей. В этом, как всегда, что-то было.

Время уже минуло, но зал не выказывал нетерпения. Их великий маэстро

приходил всегда во время.

Три цвета времени. Темно фиолетовый, ослепительно белый и зеленый, почти изумрудный.

Как всегда, он появился на сцене внезапно. И его великая скрипка Страдивари искрилась еще не издаваемым звучанием

Капричиос.

Смычок коснулся струн и всю вселенную пронзила ярчайшая ослепительно белая стрела, стрела космического времени явленного бытия. Все великое вдохновение маэстро наполнило сердца и пространство; Бытия возрадовалось. Это был Капричиос и это не был Капричиос; знакомые такты и неизведанные ритмы. Ликующий крик родившейся жизни и благодарственная молитва последнего дыхания.

Господи Спаси и Помилуй.

Звучание обрушивалось водопадом звезд и замирало в восторге Божественной Любви.

Звездный час маэстро. Звездный час Жизни творящей. И изумрудная стрела созидającego творчества наполнила вселенную Жизнью творящей. А звучание все нарастало и нарастало. И он изумлялся. Звуки искрились и вливались в общую Гармонию .И он творил их и они сотворяли его. Но что-то грустное и печальное начало вплетаться в общую гармонию. Черно-фиолетовая стрела времени обозначилась. И казалось великая гармония Хаоса явила себя. И всё живое опечалилось на пороге расставания.

И возрадовался великий Маг. Ибо вступило царство его. Царство которое явлено безмерным ничто, мимо которого не пройдет никто.

А сердце маэстро разрывалось от нестерпимой печали. Печали уходящего.

Но, что это. В одно мгновение все стрелы времени стали едины. И ослепительно белый свет померк пред Единым. Весь гений Страдивари, весь гений маэстро сотворили величайшее чудо. Великое ничто вобрав в себя всё и послушно Ему сотворило новое Начало.

Гения созидającego, избранного по образу и подобию . Последние аккорды еще рождали чувства в сердцах.

Но он уже обрел бессмертие!

Мне стало грустно

Я не мог смычком взмахнуть

Не мог вершиною проверить

Но должен был пройти свой крестный путь

Чтоб мысль свою не разуверить.

Три цвета времени.

– Да, три цвета времени, – задумчиво произнес мистик.

Стрела космическая. Стрела термодинамическая.

Стрела антропная.

Все исходящие из одного источника. И не поспешил Фома на определение источника в своем четвертом доказательстве:

В окружающем мире наблюдается последовательное иерархическое возрастание сложности строения предметов и существ (например, от насекомого до человека), нескончаемое всеобщее стремление к совершенству. Следовательно, должно существовать нечто абсолютно совершенное, являющееся источником всякого совершенства. Это и есть Бог.

Улыбка великого Мага, похожего на раскаты грома вывела меня из состояния транса. Всё так смешалось, что даже ни одна, ни здравая, ни не здравая мысль не могла возникнуть.

И возьми клубочек и он приведет тебя.

Клубочек Бытия явленного. Катись, катись, катись и сказочкой явись.

– Но как же так, – вырвалось у меня, – стрела космического времени дала импульс движению всему и стрела термодинамическая играя и наслаждаясь по воле твоей, великий Маг, бросила все еще не начавшее к твоим ногам в царстве гармонии Хаоса в твоём царстве и нам согласно этой стреле досталось только прошлое, то где тут иерархическое возрастание сложностей. – Катись, катись, клубочек.

А улыбка великого Мага ещё не оставила нас.

– Мой друг все, что ты видишь вокруг себя так просто по сравнению с Великим, с его замыслами и Его исполняющей волей, что без этого совершенства явленное существования нашего Бытия невозможно.

Представь себе. Самое первое излучение нашего бытия, пройдя все стадии существования, примет форму конечного излучения уровня царства Хаоса.

И кто разлечит их. Великий принцип неопределенности.

Но в самом деле это различие существует в границах принципа неопределенности и это различие познается разумом Человеческим.

Четвертая стрела времени, времени творчества, творчества творящего.

Великая виртуальная пара; творящая и термодинамическая.

И тогда стрела антропная, это ни что иное, как прошлое будущее. И все это вместе, совершенство абсолютное.

И ничегошеньки я не понял. Наверно скрыть это было просто невозможно.

И тогда великий Маг обратился к великому мистика. Проведи и покажи ему. Ибо туда мне нет доступа. Для меня это изнанка мира.

В мгновенье ока всё исчезло. Всё, всё и не стало меня. Меня не стало и я был. Меня не стало и я был. Ощутить то огромное и необыкновенно восторженное, что стало мною или чем стал я, это значить ничего не сказать.

В одночасье я стал мельчайшим и всеобщим, многообразным и единым, любящим и любимым – ибо это стало свойством существования, его бесконечной сущности.

– Смотри и прислушивайся, – голос мистика

Но это только казалось, что голос. Ибо слышать в нашем представлении не стало.

– Чувствуй, ощущай, чувствуй.

Вот они великие короли Бытия нового. Их священные кареты вмещают всё о чем только можно помыслить. Избери любую. И смотри сейчас откроются Великие врата Вечности, этого бала Бытия.

Казалось весь мир превратился в сверкающий и играющий калейдоскоп. И каждый лучик этого калейдоскопа, если это можно было сравнить с лучиком, нес в себе идею ткани бытия. Сколько лучиков, столько и открытых врат.

И это-то мы назвали единой сингулярностью?

– Да назвали, – голос мистика.

Присоединяйся, присоединяйся. Вихрь подхватил нас и священная карета величайшего короля Диаманта вместила нас .

Раскрылись. Вмиг первыми соскачили с неё шалунишки гравитончики. Сближаясь и одновременно расталкивая друг друга они заполнили Все.

Великий принцип неопределенности раскрылся. И они были вместе и были далеко друг от друга в неопикуемой дали. Хрустальная груша Бытия.

И как далеко она простиралась – кто знал. А маленькие шалунишки электромагнитчики и их более сильные, но этого не менее шаловливые кварктрончики, радуясь и смеясь, весело выпрыгивали.

Ах, эти танцы бала Вселенского.

А где-то там на хорах, послушные гениальной палочки Великого Режисера задавшего, первоизданные такты Первого принципа, вплелись в каждое па стрелы времени. И вершилось великое Чуда танца галактик, звезд и планет.

И когда это величайшее Чудо танца исполнилось своей высочайшей мощи, вдруг навстречу всему, к великому истоку устремилось нечто такое, от чего Он сам затаил дыхание.

Следовательно, должно существовать нечто абсолютно совершенное, являющееся источником всякого совершенства. Это и есть Бог.

Стрела творчества сотворяющего. Образы вдохновенных муз, образы тайных молитв, образы первых од влюбленных, образы изображенных воображений, образы – звуки сердец вдохновенных.

Человек родился и радость сотворчества излилась.

Следовательно, должно существовать нечто абсолютно совершенное, являющееся источником всякого совершенства. Это и есть Бог.

Только самое совершенное, сотворенное, только самое сотворенное совершенное могло войти в свой Исток .

Это и есть Бог. Ай да Фома

Создатель и созданное. Создатель и его творение. Творение и его Создатель и нет различия . Ай да Ошо!

– Да ты была права, – услышалось мне.

– Они тоже явили Чудо и мы все вместе будем готовить новый бал. Бал нового Бытия. – улыбнулась Принцесса.

Три стрелы времени, мчались от истока согласно Воле и Замыслу и лишь одна возвращалась к Истоку. Но был ли тот Исток?

И вновь великий Маг обратился к великому Мистiku. А теперь я проведу и покажу ему. Ибо без меня, туда ему нет доступа. Для него это изнанка мира, рождающего мир новый.

Вспомни, доказательство пятое, телеологическое Фомы Аквинского:

В окружающем мире наблюдается определённый порядок и стройность, происхождение которых невозможно приписать самому миру. Этот порядок заставляет предположить существование некоего разумного организующего начала, установившего этот порядок. Это и есть Бог.

– Ты только представь себе: **“В окружающем мире наблюдается определённый порядок и стройность, происхождение которых невозможно приписать самому миру”**.

Мир и порядок, не приписываемый миру. И где он организуется.

Да там, что для вас есть царство Хаоса и где я Владыка!

Искорки от костра образовали маленькие фонтанчики, которые то возникали, то ниспадали и все какое-то время любовались.

Голос Агасфера вывел меня из созерцательного состояния.

– Светлейший владыка, – обратился он к Магу. – Позволь мне сопроводить его в царство твое. Ибо в царстве твоём ты совсем другой. Он не выдержит и не воспримет. Я смогу оградить и донести до него то, что он в состоянии будет принять. Ибо я был у тебя, вернулся и не утратил человеческое. Я смогу воспринять его смятение и поддержать.

– Ты прав, – произнес великий Маг.

Пространство расколосось, я перестал существовать, и тьма окутала.

Вспомнились слова Игоря Сикорского:

С темнотой все обстоит иначе. Выражение “безбрежная тьма” не имеет смысла. Есть лишь полная темнота. Спустившись в шахту или тоннель глубиной несколько сот футов, человек оказывается в такой же полной темноте, как “внешняя тьма”. Поэтому, в противоположность математике, человек вовсе не в центре, он на самом дне. Он видит и ощущает

условия, которые с практической точки зрения напоминают темноту настолько полно, насколько она существует. Это еще находится в пределах его возможностей.

Странно, – подумалось – помню и думаю; абсурд какой-то, меня нет, это точно и оказывается ко мне можно прикоснуться, бред; прикоснулась рука Агасфера.

И мягкий голос, объял: – К этому надо привыкнуть.

Его Царство не имеет форм, но все они рождаются здесь.

Исполинское горнило Бытия. Все принимает, всем играет, всему сопричастно и все сопровождает.

Наши руки соприкоснулись и мы пошли.

Давир внутри души человеческой.

Место внутри Храма, куда один раз в год вступает первосвященник для моления пред Лицом Его и прося заступничества на Народ Его.

Давир!

Огромное пространство, уносящееся ввысь и в... кто знает куда. Голова опрокинута в Вечность. Что различимо там? Где там? В Вечности. Да, в Вечности. А, что там должно быть различимо? Маленькие пичужки вопросов, остающиеся без ответов.

Но, что малыш ты спросил

Что должен Я тебе представить

Как лучь купается в росе

Иль Солнце как Любовь ваяет.

Но, что малыш ты спросил ?

Давир!

Это слово вырвалось невольно, даже мысль не пробежала впереди. Давир внутри души человеческой. Но не просто души человеческой, а души собственной.

Да будет так!

Сознание расширилось, вышло за пределы Храма рукотворного и вошло в Храм.

Вошло в Храм.

Я отстаю от чего-то странного. Во мне нет ощущения Истины. Действительно странно: подумалось об Истине. Ну почему подумалось об Истине?

Вот шмель крылами распластав

Гудит басовой ноткой си

К цветку приник. Нектар горит

А он гудит, гудит, гудит.

Я вижу полет шмеля. Я воспринимаю слово учителя. А причем здесь Истина? Какое-то странное слово, **Истина.**

Камешек застрял в сандалиии. Мешает бежать, вон до того, согретоого солнцем камня. И опять в голове Истина. Со шмелем на перегонки. Ему тоже понравился согрeтый солнцем камень. Вместе прибежали и присели. Он затих. То же наверно задумался об Истине. Интересно, а какова у него Истина. Наверно шмелевая Истина. Не знаю. А какова моя?

А камешек продолжает напоминать о себе. Придется снять сандалию. Камешек выскочил сам собой и тоже улегся рядом. Тоже задумался об Истине. Я, шмель, камешек и все вместе думаем об одном и тоже, об Истине. Вскочили, помчались каждый своим путем. Оглянулся, а камешек остался, ему наверно так удобно. А Истине? Она всегда остается. Равви Бен Ешолои.

Тогда об Истине о мой малыш.

В рассветах месяца Нисана пустыня чуда Любви творит.

*Ростки немножко выпив влаги, ликуя и смеясь,
ковром Любви открытое для глаз пространство застилают
ликуя в свете, в зайчиках – лучах находят отраженье
и свежетью дыханья изумляя, приводят все в восторг.*

Быть может это Истина, которая там дышит и отдается нам во всем; её могу я ощутить, а как она откроется в душе моей пространства и как её понять, не перепутать с громогласым Я, которое соткалось из желаний, и для которого все вокруг, его. Что это, слово или ощущение во мне, который не есть я.

А, я тот, который радуется Солнцу и бегаеt во всех притворах Храма. Когда паломники давно отдав поклоны, довольные блаженством отпущенья уснули.

Лик Луны присветлым водительством своим, чуть замирая под кремнистыми шагами в дорожках и на листиках, отмеченных молчаньем, проводит в бесконечный Храм любви. Как это передать? А может это снится или есть обман мечтательного сердца. И как всё это обозначить или сравнить в молитве и душе. Что, это, что это? Во мне и вне меня, звучал вопрос впечатление?

Это то, что непременно озвучится истиной в священном вихре раскрывающим Великое торнадо Хаоса или создаст или разрушит, как принять.

И спросили Сократа.

И спросили Сократа: “Что ты можешь помыслить о том, о чём невозможно помыслить?” Печальная улыбка окрасила его благородное лицо мягкими лучами закатного солнца. Легкая печальная улыбка. Как много она могла сказать видевшему её.

И распят он между небом и землёй. Овивая его правую руку, святейшая себреннная цепь устремилаcь в бездонную синеву неба. Овивая его левую ногу, ярчайшая золотая цепь ниспадает в Тартар.

“Если бы я мог мыслить о том, о чем невозможно помыслить, то я бы не мыслил, но я мыслю”.

Великий афинский народ, благородный и свободолюбивый, негодовал. Все кипело и страсти накалялись. Слухи, так похожие на правду, вползали в каждое сердце. Казалось, все большие змеи и маленькие змейки покинули окрестные горы и спустились. Полны сердца негодующих. Что по сравнению с ними просторы вселенной. И стало набирать силу великое торнадо лжи и ненависти.

Господи, кто очистит? И легкая печальная улыбка противостоит ли?

И возлегли они, могущественные и неприметные. О они всегда неприметные.

И сказал Ему диавол: Тебе дам власть над всеми семи царствами и славу их, ибо она предана мне, и я, кому хочу, даю ее”. (Лук. 4:5-6)

И приняли приняли они власть от него. Велико искушение и кто откажется.

Они чрезвычайно редко собирались вместе. Такова уж природа непомерной гордыни. Сознать, что рядом есть кто-то, кто по крайней мере тебе равный. Это вызывает такие моральные муки, то что сравнится.

Но этого требовали обстоятельства. Впервые, созданное ими грандиозное здание свободы дало трещину.

А как все начиналось!

Первые из первых, великие из великих. Вся мощь их величия была направлена на творение по Его Воле. В других мирах они прошли великий искушение. Те испытания и послушания принятые ими, абсолютно добровольно, закалили волю и открыли все скрытые возможности творчества.

Новая земля ждала своих устроителей, водителей, демиургов.

В одном из величайших Храмов Бытия, сотворенных во всех просветленных мирах они были удостоены посвящения.

Встреча с тем, которого потом наш мир примет как спасителя, вдохновила и укрепила их. Ибо они нуждались в этом, поскольку там, где им предстояло творить было царствие и особая миссия великого Гения. И кто устоит?

И каждый из них был абсолютно уверен в том, что устоит.

И было их числом сорок девять и ухо нового мира прислушивалось к ним.. Светлая, юная планета. Матушка Геюшка ждала их.

И был день третий. Великая загадка дня Третьего.

Великая загадка? И отделилась Земля и стала твердью небесной, стала сапфировой жемчужиной на великих дорогах Вселенной. И Великие Духи приступили к ней. Вселенная наполнилась величавыми звуками радостного ожидания от предвкушения ещё неизведанного. Так бывало всегда, когда Великие наполняли новый мир, созданный из Его мечтаний и по Его замыслу. Так бывало всегда.

И так было и в этот раз. Но великая мечта Творящего никогда ни повторяется

в самой себе. Она гениальнейшая мелодия Великого Музыканта, она воплощается искрясь и играя и что получится. Кто знает?

Божественное Вдохновенье. Великая радость узнавания Сотворенного и нежнейшая мелодия, рассыпающееся огненными фонтанами Света и удивляющееся самой себе. Вселенная затаила дыхание. Мир новый. И только дети. Дети великого Вселенского Братства ликуя и смеясь столпились у порога нового Мира.

Сапфировая жемчужинка с бездонными океанами наполненными сапфиробюрезовой мелодией, изумрудными пространствами материков и бесконечной вереницей вечно несущихся в неизведанное, жемчужных облаков.

Ловушка сложностей. Мы населились в этом мире и не поняли Его замысла и не поняв Его замысла, мы не поняли венца уже ставшего нашего мира. А понятие приходит только при взаимодействии.

И Бытие в Небытие

В своих шелках окутана

Тончайшим словом, светом , тьмой

Все с временами спутано

Но если маленький клубок

В руке твоей – водитель

Ты в истины поток войдёшь

И там себе воитель

И Бытие в Небытие

Вся простота в этих кружевах – мелодий бесконечной игры творящей. И Бытие в Небытие.

И венец – человек! А когда открылось им человеческое, его космическое и его место в планах Творца, им вдруг захотелось стать владыками, подняться и стать равным Ему.

Велика гордыня пришедшая. И явился им великий Гений-отступник и дал им власть над царствами во имя его славы. И не устояли они, да и не хотели.

И как когда-то там, но уже из других рук приняли посвящения его власти и ему безприкословного подчинения.

Посвящение в храме огня и магмы в самом сердце планеты. Тартар.

И отошёл от них величайший дар Творца. Дар свободы творчества во имя Его и именем Его.

Тартар! Храм тартара. Только там гений-отступник являлся избранным. Только там, подчинённые его высочайшей воли они могли составить монолитное единство, только там принимались планы и системы управления человечеством, только там принимались окончательные решения и алгоритмы коррекции.

Только там. И он обратился к ним.

” Моя иерархия великолепна и ничто не сравнится с ней. Мой разум и моя свобода служат только мне и вы слуги мои. Я избрал вас для завершения моего замысла на этой планете.

Она великолепная жемчужина в бытие Господа и она должна принадлежат мне, и вам как исполнителем воли моей.

Подчинить человека, сломить его и заставить склониться пред мною. И вам это осуществить.

Не скрою от вас, что это архи трудно будет сделать. Ибо наш Создатель, создав человека по своему образу и подобию, наделил его свободой воли, выбора и творчества. Свобода человеческого творчества беспредельна, но она должна служить мне.

Наш Творец и Его творения Его нераздельны, но мы должны разделить их. Мы должны исказить свободу творчества таким образом, что человек творя во Имя Господа на самом деле будет творить для нас и во имя наших целей.

Искажите его волю, подбросьте ему жемчужную пустышку и пусть она станет его кумиром.

Пусть он выберет себе иерархический путь, или.....?

Не скрою иерархический путь, это великое естество, ибо это закон данный Создателем. Его можно зачернить, но уничтожить его нельзя.

И тогда поднялся один из них. Было имя ему Амофрен. Он был молод и чистлюбив. О! Как он был чистлюбив. Мечта сравниться с великим Гением не давала ему покоя.

И случай выказался.

Позволь, Величайший, во исполнения воли твоей, проявить другой путь, путь самого изощренного состояния души человеческой. Путь гордыни и пусть он примет имя – **ДЕМОКРАТИЯ**. Ибо этот путь во имя и целей самого себя.

А магия твоя окрасит этот путь и кто устоит.

– Путь демократии, впрочем кто знает я и сам не могу просчитать его до конца, – задумчиво произнес Гений.

– Творите, держайте и главное отслеживайте все опасности на этом пути, которые могут сорвать мои планы и во время их устраняйте.

А трещина разрасталась. Маленький человек многие годы ходил по улицам свободных Афин. И говорил всем, кто прислушивался и просто слышал. Он обращал их внимание на самих себя. Он говорил о воле Богов и их воле. Он показывал им единство мироздания и выворачивал на изнанку их прихоти. Маленькие капельки Божественного знания укрепляли души, но и разрывали скальные породы великой Афинской демократии.

Но все таки прихоти были более мелее. Не занимать чародейства Амофрену. И толпа его осудила.

Мудрая толпа, которая как всегда больше всего заботилась о собственной заднице. И только она определяла её настрой, только она ухоженная, восседающая на мягких подушках, разбросанных по всему пространству пушистых персидских ковров и ёрзающая от нетерпения при приближении волнующей гетеры, благоговейно закатывающая глаза от её прелестей, чмокаящая от каждого глотка восхитительного фалермского и с наставительной праведностью, рассуждающая о богах. Великий Олимп и разве мы не у подножия твоего.

Демократия!

И они демагоги всех времен и всех народов льстивыми речами ублажали её.

Тончайший яд неприкрашающего удовольствия, окрашивал кровь жизни. И демогоги всплывали на гребнях волны этого яда к вершине власти и богатства, и падали с этой вершины и вновь восставали. Бессмертные демогоги, они то знали толпу. Ведь они были плоть от плоти её, а дух их бережно пествовался по воле Величайшего. И радовался Амофрен.

А толпа радовалась, что осудила его. Несмотря на то, что он оставался гарантом их, данным Господом свободы выбора, их собственной судьбы.

И не мог Амофрен допустить этого. Ибо только он сам был гарантом их несвободы.

И выбрал Сократ яд. И только так он мог далее продолжать служить великой истине.

Настоящий рыцарь истины, он без колебаний наследовал главный рыцарский девизу всех времён и народов: **«Делай что должно, будь что будет»**.

Рассвет уже занимался над Афинами. Полоска горизонта просветлела. Беседа продолжалась с всегдашним спокойствием и вдумчивой мудростью.

Цуката уже была выпита. Ах, как прекрасно ложилось фалермское на цукату. И только едва уловимая печаль расставания светилась на лицах и в голосах. Друзья и ученики, всегдашние собеседники.

Сократ говорил и делился самыми затаенными мыслями. Они уже не стали затаенными.

– Боги и люди мы едины и различны. Мы молимся им, просим, умоляем и с великой надеждой ждем исполнения. Мы так нуждаемся в Них. Ну, кому, как ни Им исполнять наши желания. И никогда и никому не пришла в голову простая мысль, а что я могу сделать для Вас великие Олимпийцы.

И однажды, когда эта мысль посетила меня, я мгновенно обрел **Свободу**.

Я ходил и ходил по вашим улицам мои Афины. И я говорил им, обратитесь к себе в сердце своем. Обратитесь и прислушайтесь. И оно наше маленькое и великое сердце изольёт свою любовь на Богов. И чудо обретенной свободы, да в вас проявится.

Радостно и благостно расходился великий афинский демос; стены Акрополя

излучали умиротворенность. Приняты очередные подачки самим себе, избранные правители на очередной срок и в ушах ещё слышна сладкая речь демагогов. Феб, проходя через толпу, упивался её восторгом и льстивым преклонением. Она сегодня приняла от него милость, управлять ею.

Демос всегда любит принимать милость ярма. Правда с завидным постоянством, время от времени он сбрасывает это ярмо, чтобы тут же принять милость другого ярма, но, что до старого хозяина, то если успеет.

Но, кто из демагогов помнит об этом, они ведь бессмертней Богов.

И потом непреходящий восторг!

А женщины!

Нежные мимолетные прикосновения, лукавые зазывные взгляды, шёпот зрелых матрон, готовых на все. И разве возможно лишиться этого.

Да и казна вообще не всегда бывает пуста. А праздники любят траты. И кто тогда там потом считает.

Боковым зрением в отдалении Феб заметил знакомую фигуру у дальнего пилона. И захотелось еще услышать о себе, правда, неизвестно что, но от него.

Подошел, присел рядом, и лучи закатного солнца одели их.

Учителя и ученика, правда, уже бывшего.

– Ты, хочешь услышать похвалу твоей демагогии. Блестяще, думаю, многие риторы Афин тебе позавидуют.

Ведь демократия и свобода так нуждаются в похвале глупости.

Лицо Феба передернулось, прекрасное лицо двадцати семилетней гениальности свободной демократии.

– Из твоих рук они принимают еду свободы, и она нравится им. Они к ней привыкли, кормилец ты наш. Из тебя получился прекрасный гастроном.

Но ты так и не понял простой истины, что аппетит приходит во время еды. А с аппетитом шутки плохи и попробуй его не удовлетворить.

А, что ты можешь им предложить из твоего стандартного набора арсенала свободы. Хлеба и зрелищ?

Что ж! Это интересно, но уж очень ограничено. А, что ты сделаешь с пресыщением. Придется изобретать другой уровень свободы, если успеешь.

А, все потому, что ни ты и не они не поняли истинности Свободы. Хотя она прописана в сердце каждого. И эти огненные знаки воедино связывают человеческую волю с волей Богов.

Именно человеческую волю. Ритм его божественного кода личности, уникальной и неповторимой в своём творчестве в творящей воле Богов.

И нет свободы толпы, просто по определению нет её. Есть лично твоя и лично каждого связующая серебряная нить божественная свободы.

Ты им льстиво внушал идей свободы, свободы случайностей, условностей,

произвола, полагая, что эта чаша минула тебя.

Ни минула и ни минет никого и ни когда. Ибо вы друг без друга существовать не можете. Ибо ты нужен им, а они нужны тебе.

И нет круга порочнее. Лидеры и толпящиеся, толпящиеся и лидеры.

Уж куда лучше автократия, ибо там хотя и слабо, но всё же светится дорожка божественной связи, себя с Божеством.

И там её не затоптать ни кому. Ибо всегда есть возможность покаяться.

Но разве возможно стадное покаяние. Возможно только стадное поклонение.

Но, говорил ты вдохновенно, и разве вы смогли устоять друг перед другом?

И ответная тень от вечерней пилоны разделила их. Испей, распни. И Они испивали и Их распинали.

Неспешная беседа в расширяющей полоске рассвета.

– Нам пора, – произнес тихо Сократ. – Еще предстоит путь, а силы мои слабеют. А этот мой последний земной путь, я должен пройти сам.

Слова сказаны и внезапно взоры всех обратились на неизвестно откуда появившийся солнечный зайчик. И они последовали за ним.

На самой вершине крутого утеса, уносящегося в Эгейское море их ждал костер возносящий.

– Прекрасное ложе, – поудобнее устраиваясь, произнес Сократ.

Радуйтесь. И.....!

И от солнечного зайчика, освещенного первыми лучами Солнца восходящего, вспыхнули факелы в их руках. Ликующая, прощальная симфония, огненная.

И великое царство Хаоса обогатилось еще одним островком Любви и Свободы, для Бытия нового.

Да не творит Пресветлому во вред.

Странно, мне показалось, что рука Агасфера не отпускала мою руку. Паразительны чувствования данные нам Господом.

Я находился везде и одновременно рядом с моим спутником. Я мог слышать шёпот звезд и вести беседу.

Но с чего я взял, что это я могу? С чего? И действительно счастливейшая случайность, которая позволила испросить? Кто есть я, и что я могу, испросить.

Рука Агасфера ещё крепче сжала руку мою. Смотри, запоминай, вникай, слушай. Мы вступаем в великое царство молитв человеческих. Храмов любви, молитвенных Храмов. И не счесть их, и пути в них неисповедимы, ибо только там воля человеческая растворяется в воле Господа.

Родник своим светлым журчанием успокаивал и вводил в созерцательное состояние. Вкруг его иссини голубого ложа в величавом спокойствии, глубоко

задумавшись, коротали свои долгие века величавые кедры и голубые ели. В бездонной синеве неба, подстать голубому ложу, проплывали в таком же величавом спокойствии белоснежные облака, окаймленные этой фиолетовой синью.

Лучи восходящего солнца вокруг него окрашивали все в бирюзовый цвет.

Там наверху был колодец с не менее прекрасной водой, но именно сюда вниз горная тропа приводила его всякий раз. И было не важно, что с полными двумя двадцати литровыми сосудами, приходилось преодолевать 777 ступенек, разбросанными по этой тропе.

Здесь у родника было о чем поразмыслить.

Четыре стихии мира казалось, рождались здесь. Огонь, ниспадающий от утреннего светила, Ярило-батюшка; воздух, напоенный ароматами звезд; вода-жизнь пьянящая, земля-кормилица светлая.

Они наполняли мир своими неповторимыми ароматами и своим звучанием.

Феерическая симфония огня, воздуха, воды и земли. Каждая мелодия звучала отдельно и всегда вместе, отдельно и вместе. Гениальная индивидуальность и ещё более гениальная Вселенская общность.

Здесь у подножья рождались первые молитвы Любви. Все, кто приходил сюда, получали первое чувство общей гармонии. Все во всём. И вслед за этим чувством приходило чувство твоего личного долженствования и личной ответственности. Чувство не навреди.

И приходили на память слова древней молитвы.

***О! мне дарованная Господом свобода
Молю тебя о, матушка Природа
Дарованная Господом свобода
Да не творит Пресветлому во вред!***

Вместе с этим чувством приходило понимание собственной значимости и ответственности в судьбах мироздания пред лицом Господа.

На утренней зоре сюда сходились многие, но лишь не многие отваживались нести тяжеленные сосуды вверх по семисот семидесяти семи ступеням.

Так уж вершилось.

***Так будут последние первыми, и
первые последними; ибо много
званных, а мало избранных.***

Евангелие от Матфея 20, 16

Вскоре надо будет покинуть это место. Но и сегодня на зоре Агасфер, как было заведено, спустился к роднику.

Уже многие месяцы первые лучи солнца в бирюзу родника привносили цвет страдания, перемешанного со сполохами огня. В тонкие ароматы утра вплетались запахи гари. Русь горела.

Сколько веков он бродил по земле. И никак ни мог привыкнуть к боли людской.

Перед родником, окаймленным вековыми дубами, расстился ковер полевых цветов. Если бросить на него мимолетный взгляд, то пространство казалось спокойной морской гладью, на котором лучики света водили свой плавный хоровод. Но это только казалось. Ибо хоровод не мыслим без танцоров, без мелодии танца, без светлой мысли хореографа.

И если посидеть без мыслей несколько минут, то вдруг каждый полевой цветок, каждая травинка, являли себя в этом танце жизни. Светлейшая мысль хореографа. Благословенна матушка Геюшка.

Вдруг там, на краю, возникла черная полоска, которая разрасталась и стремительно приближалась. И стонала земля от боли под копытами вороных коней.

Посреди этой полосы, ярким багровым пламенем с ослепительно желтым отблеском, сияла исполинская фигура всадника. Они приблизились.

Повинуясь руке его, конь остановился как вкопанный, и великий монгол предстал пред Агасфером.

Откуда-то сбоку внезапно возник толмач.

– Ты пришел сюда не ради праздного любопытства, – на чистейшем степном наречии произнес Агасфер.

– Да и зачем тебе лишние уши, – толмач так же внезапно исчез, как и появился.

– Со своей сотней непобедимых ты проделал долгий путь, и я не скрою от тебя ничего.

– Я слышал о тебе много, но все слышанное не в счёт, – произнес Чингиз, а если так, то скажи, зачем я проделал столь долгий путь?

– Сюда, Чингиз, приходят каждый со своим желанием. А они различны.

Ты создаёшь великую империю. И тебе хочется, чтобы она существовала вечно, и ты вечно управлял ею. И тут без бессмертия не обойтись.

Я правильно оценил твоё желание?

– Да, старик, ты правильно оценил мое желание, и ты сделаешь это!?

– Мне кажется, что слава великого Искандера не дает покоя тебе. Однажды в далеком будущем один великий произнесет.

Пред кем весь мир лежал в пыли

Торчит затычком в щели

УШекспир. Гамлет.

И где его империя, Чингиз, где его золото и его власть? И он тоже, ох как желал бессмертия, впрочем, как и каждый правитель, даже самый малый.

Впрочем. Обратись к роднику.

Возле родника на черной отполированной до блеска гранитной плите стояли два сосуда, выделанные из тончайшего нефрита.

Сосуды были до краёв наполнены живительной влагой. Их обнимало коромысло из бериллиевой бронзы и свет, отражающийся от них, по блеску не уступал свету, отражающегося от золотой кольчуги, надетой на великого монгола.

– Возьми эти сосуды. И преодолей 777 ступени, и может быть там, на вершине ты и сможешь отыскать твоё желание. А бессмертие я не раздаю.

– Это так просто, – с усмешкой произнес Чингиз. И встал на плиту. Он продел загнутые кончики коромысла в бронзовые кольца сосудов. И

И еле-еле приподнял их; и с величайшим усилием возложил коромысло на плечи.

С каким трудом он взошел на первую ступеньку. И там силы оставили его. И возвратились сосуды на место своё.

– Вот видишь, Чингиз, ты не смог преодолеть самого себе, а без этого бессмертия не бывает.

– Ты стал свидетелем моего позора, – произнес Ченгиз-Хан, – и ты умрешь.

Сабля со свистом рассекла воздух и, не встретив сопротивления, едва не вырвалась из рук воина. А ведь он ею раскраивал всадника да самого седла.

И снова свист сабли, нацеленный на голову...

– Не трать понапрасну силы, – улыбаясь, произнес Агасфер, – они тебе еще пригодятся. Твоя империя тоже будет не маленькая. Радуйся!

И поддев коромыслом сосуды, он радостно пошагал по ступеням.

И померк золотой блеск, исходящий от кольчуги Чингисхана, ибо стальная кольчуга не светит.

Вершина встретила Агасфера и радостно и грустно. За многие годы совместных молитв они сблизились, и радость размышления объединила их. Но расставание есть расставание.

Сосуды были поставлены на черную гранитную плиту. И кто и когда прикоснется к ним?

А великий северный Храм молитв Господу ждал его.

Этот великий Храм был невидим ни с какой стороны. Он был сокрыт от постороннего взгляда.

А не постороннему взгляду, как сейчас Агасферу, он открывался во всем своем величии и благодати.

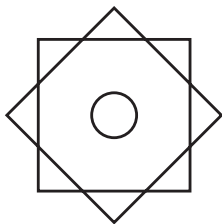
Неведомые строители, водимые духом Святым, возвели его в семь дней и ночей. Они воплотили в нем все стремления души человеческой выразить вели-

кую благодарность Создателю.

Главный молитвенный зал был выполнен в виде великого знака бесконечного бессмертия.

Знака символа

В точке пересечения или точке соприкосновения Бытия и Небытия, была положена белоснежная мраморная плита, на которой был выложен знак соприкосновения человека с вселенной.

Знак Торо.

Внутренний круг знака диаметром эквивалентным семи метрам был соткан из нежнейшего изумруда.

Основной квадрат обрисован сапфиром. И, как бы верхний квадрат, обрисованный прозрачной желтоватой яшмой? по углам своим разгорался огненными рубинами. Вдоль невидимой линии границы каждого овала располагались гранитные колонны, так близко поставленные друг к другу, что лишь лучик света мог протиснуться сквозь них. И высота их была эквивалентна $7 \times 3 = 21$ метру. Каждый овал этого бесконечного бессмертия олицетворял одну из четырех стихий: Землю, Воду, Огонь, Воздух, ибо несли они в своей форме великую тайну космической гармонии. Лучики света, проникая в пространства каждого овала, окрашивали его в цвета одной из стихий: темно голубую, светло бирюзовую, ярко бордовую, иссини фиолетовую. И встречаясь, все вместе в центре зала, являли они изумленному взгляду соломенно-желтое золотистое чудо. Купол Храма покоился на огромных хризолитовых колоннах, диаметр каждой из которых, был эквивалентен семи метрам.

Числом 77 было их. Отстояли они друг от друга на число эквивалентное семи метрам. В центре купола, выполненного из чистейшего горного хрусталя, сияло янтарное Солнце, и диаметр круга его был эквивалентен семи метрам.

Нить, исполненная из платиноиридиевоосмиевого сплава длиной эквивалентной 7^2 , на конце которой сияла бриллиантовая звезда, соприкасалась с бе-

лоснежным мрамором.

Величайший маятник Бытия. В своем неутомимом качанье посвященному он показывал все уровни и все времена вселенной.

Вкруг этой нити вращались две спирали. Серебряная и платиновая; и если первая из них возносилась ввысь, то второй стремились к доле.

Каждую точку на спиральях пересекала не видимая окружность, окружность уровня жизни каждой сути Бытия, начиная от проявленной элементарной частицы и заканчивая сутью Богоподобного разума.

Смотри, – произнес Агасфер, – здесь сходятся все стрелы времен вселенной: стрела космологическая – спираль серебряная, стрела термодинамическая – спираль платиновая, стрела антропная – сама нить в своем первоизданном единстве.

И сказал Бог: да: да будет свет.

И стал свет.

Бытие 1.3

И стал Свет.

И задал Свет ритм жизни, каждой сути Бытия, каждой былинки, каждой травинки, каждому колокольчику, всему. И все стало и малым и великим и одним и общностью и непрерывно изменяющимся и неуловимым в своей творящей неопределенности – стрела времени творящая.

– Смотри внимательно, – произнес Агосфер. Всё в нашем Бытие берет начало от начала. И этим мы обязаны Господу.

Да будет свет и вселенная явила себя во всей красе. Она распустилась аленьким цветочком и пространство явило себя. Пространство движется растет и мера роста – стрела космологическая. И рвется вверх она. Но где-то и когда-то, по замыслу творца, для нас возникнет новое Бытие, еще более прекрасное и всё старое будет сброшено в великое царство Хаоса – это и есть стрела термодинамическая. Вращаясь навстречу друг другу спирали поддерживают в неуловимо меняющимся равновесии все виртуальные уровни существования и отпущено всё человеку по мере его возрастания – это и есть стрела антропная.

Сама нить на каждом уровне питает любовью Господа каждое существо и каждое существо в первоначальной чистоте сердца своего отдает свою любовь Создателю – это и есть стрела творчества. Стрела времени творящего. И чем больше мы творим, тем более наша Жизнь и тем выше мы поднимаемся по нити Господней любви. Явленная благодать!

А купол Храма уходил и уходил ввысь с каждой сотворенной молитвой благодарения.

И от каждой колонны уходили во вне мраморные дорожки в маленькие залы

молитвенного созерцания и радость благодати от Господа прибывала там.

Оставлена была Гея Царственными Владыками по воле Господа. И кто воспротивиться? Ибо свобода выбора нуждается в испытании. Ибо как подняться?

Кто воспротивиться? Всё дано, всем сказано, всем намечено. Творящие в тварном.

Бежин луг

Бежин луг! Светла благодатная мысль Ивана Тургенева.

По утру запахами разнотравья переполняют дыхание. Роса жемчужинами и бриллиантами воспламеняет воображение. Трезор бежит впереди, ожидая встречи; он же охотник и его уровень вечности да умножится.

На опушке покосившаяся избушка. Испить бы водицы. Никого. Внутри чисто и светло. Боже! Лукерья.

Маленькое существо, исполненное кротости и благодати. Почти не движима и проносящаяся по всей планете с Господней любовью.

Пребывающая одновременно здесь и везде. Кратность Господа. Светлейший символ неопределенности.

Неспешная беседа и воспоминания и воспоминания. Сколько вот таких тихих бесед, как молитвы покаяния пронеслись. Сколько, и не счесть их!

Только после них, в последний миг расставания, являлось ниспосланное, и роса вечерняя освежала уста жаждущие. Вечере Господне!

Вечере Господне.

Вечере Господне. Вершины гор окрасились пурпуром света вечернего. Прохлада радовала. Выдолбленные из цельного гранита сиденья, покрытые белоснежными бараньими шкурами, ожидали исполненных.

Нихас нартов!

Собрание исполненных и советующих. Собрание определяющих и вместе с тем хранящих дар Божий, свободу выбора.

Величайший Нихас!

Урызмаг старейший и самый почитаемый, сидя в своем резном дубовом кресле первейшего старейшины, любовался воинскими упражнениями нартов.

А они выказывали свою доблесть и уважение перед ним и другими старейшинами всех нартских родов.

В заключении проводилась стрельба из лука. Нужно было на расстоянии семидесяти семи шагов поразить мишень. А мишенью служило выполненное их

драгоценного бука колесо Балсага. Перед мишенью было подвешено золотое кольцо оставшееся от уаига Алефа, сгоревшего в горне небесного кузнеца Курдалагона.

Небольшое было кольцо, не превышало в диаметре размер одного локтя. Много было выпущено стрел, но ни одна из них не прилетела сквозь кольцо Алефа. И опечалился немного Урызмаг. Куда-то уходило воинское искусство нартов.

Вдруг откуда-то не возьмись, кем-то выпущенная стрела пролетела сквозь кольцо и поразила мишень. И не было никого среди нартов, кто пустил эту стрелу. Все доблестное собрание глазами искало того, кто сделал это.

И увидели все высоченную фигуру мужа, стоящего на скальном выступе в дальнем отдалении.

С плеч его свисала львиная шкура.

Слава Геракла всегда бежала впереди него и наслышаны были о нем нарты.

Поднялся Урызмаг со своего кресла.

– Мы рады тебе Геракл. Прими нашу радость и пусть печаль всегда минует тебя. Займи моё место, ибо оно достойно тебя, и каждый нарт почтет за честь служить тебе. Мы удостоены встречи с тобой, так войди с нами в дом почета и позволь нам разделить трапезу твою, достойный.

Внезапно огромная косая тень накрыла Нихас. Над ним в глубине неба зависла, распластав свои огненные крылья, птица. И багровый свет, отраженный, осветил лица смотрящих на встречу.

Орел светлейшего Зевса. Он возвращался, исполнив волю Громовержца!

– Так никогда еще не было, – произнес Урызмаг.

– Долгие, долгие столетья это я слышал от своего прадеда, а ведь он принадлежал великому роду Донбеттыров, каждое утро и вечер эта птица пролетала над страной нартов и держала путь свой к высочайшей скале стоящей на снежных отрогах гор и одной стороной обрывающийся в море. Солнце, снежные бури и морские бризы встречались на той вершине, где вершилась воля Зевса. И каждые вечер она возвращалась в свой дом. И так долгое и долгое время.

И никогда, а мы несем в себе все воспоминания, эта гордая птица не останавливала свой взгляд на нас, сдается мне, что она узнала тебя, а что в этом сокрыто, кто знает.

Знай же, Геракл, что мы исполним все, о чем бы ты нас не попросил.

– Я благодарю тебя, О! достойнейший. Если тебе не составит труда, то укажи мне дорогу к той скале, ибо там мне предстоит исполнить предначертанное.

Я готов, – произнес Урызмаг. По утру, мы тронемся в путь. Ну, а сейчас наше скромное угощение ожидает тебя и драгоценная чаша Уацамонга возвеселит твое сердце и твои уста возрадуются.

Долог был их путь. Велика страна нартов. Раскинулась она от моря и до моря. По всегда цветущим лугам бродили тучные стада, леса были наполнены дичью, горные ручьи несли в долины талые ледниковые воды и дары матушки природы были неисчерпаемы.

Дивился Геракл, и сердце великого воина радовалось. Долго ли коротко; открылось им перепутье семи дорог.

Немного в отдалении в высоченной башни жила красавица Акола. Кто из нартских героев не добивался её взгляда, но ни пришло ещё время. На виду её пляшут нарты свой нескончаемый симд и земля колеблется под их ногами.

– Прости нас Геракл. Я проделал этот путь с тобой и еще для того, что бы показать тебе доблестных нартов и еще сказать тебе то, что мы обычные люди и не можем даже приблизиться к доблести твоей. Пусть Бог наш хранит тебя, а великая птица Зевса укажет тебе верный путь.

Каждый восход и каждый закат орел неуклонно указывал ему путь.

Черное море встретило Геракла на седьмой день пути.

По мере приближения нарастал шум прибоя, и громаднейший скальный уступ все уходил и уходил в бездонное небо. Закатное солнце ярко высветило скалу от подножья до самой вершины. У подножья бездонная зеленовато бирюзовая синь воды. На вершине огненный пламень. Громадная птица Зевса снялась с вершины, сделала широченный круг, высматривая что-то, и ушла в закатное солнце.

Геракл запрокинул голову. Прикинул. Не менее семи стадий до вершины. А вот и каменная тропа. К утру, он должен, должен был достичь вершины. Должен. И воззвал он к великой Селене.

О, Великая!

Да освети мне путь к вершине

Пусть луч в ночи дарует силу

Пусть звезды благостным сияньем

Поддержат на крутых уступах

И пусть Эос в лучах рассвета

Да возвестит ему надежду

И была услышана молитва Геракла. С первыми лучами солнца стоял он рядом с прикованным к скале Прометеем, и грозный лук был наготове.

С первыми лучами солнца светлейшая птица явила себя в лучах его. Глаза орла были устремлены на Геракла и Прометейя. Сапфировый был один взгляд и изумрудный другой. Крылья его отливали перламутровым блеском. Лучи солнышка, проходя сквозь них, явили собой чудо капелек росы рассыпанных на

хвойных иголочках исполинских кавказских сосен.

С первыми лучами солнца понеслась грозная стрела Геракла на встречу, и встретились они. Светлейшие перья, медленно кружась, достигли волн моря черного, и приобрело оно цвета лазурные. Геракл и Прометей еще долго слышали ликующую песнь, освобожденной птицы. Свободный и исполненный мудростью и гордостью выполненного долга, предначертанного, возвратился орел на Олимп.

Тот же час спали оковы с Прометея и с молитвой примирения и покаяния обратились герой и титан к Зевсу.

Что может быть прекраснее!

Прозвучала эта молитва в величайшем Южном храме, который открылся их взору и впустил под свои своды.

Ра восходящего.

Так повелось еще издревле, восходящего Ра нужно было встречать молитвой благодарения.

Все они в простых белых туниках без сана и величия от верховного жреца, фараона, наследников, жен, детей, приближенных и рабов, загодя собравшихся на соборной площади перед храмом Амона, возносили руки навстречу ему в благодарственной и укрепляющей молитве на день явленный в сердцах их.

Уже на утренней молитве Эхнатон почувствовал какую-то особую значимость наступившего дня. Когда все окончилось Аменхатон, отец его и фараон жестом руки повелел следовать за ним; ему и верховному жрецу.

Эхнатону казалось, что он знал всё о храме, о его залах, молитвенных комнатах, подземных сооружениях и залов для тайных мистерий. Но, увы.

В глубокой нише на овальной стене, расположенной за 28 метровой статуей бога Амона расположилась фреска с изображением Осириса сходящего в подземное царство. И была та фреска всегда в полумраке.

Эхнатон неисчислимое количество раз проходил возле этой фрески, но никогда не замечал ничего необычного. И тут он впервые рассмотрел, что поверх фрески располагается каменное изваяние змея. Темного изумруда было оно. Голова его свисала вправо, а хвост слева от фрески. И справа были ворота Жизни и слева ворота Смерти. Маленькие отверстия, вплетенные в орнамент ворот, были доступны лишь посвященному взгляду.

Аменхатон расположился справа от фрески, верховный жрец слева. Одновременно извлекли они два ключа, изготовленных из бериллиевой бронзы. В полумраке сверкали они.

Ключи имели форму двойной спирали, витки которой были направлены на встречу друг другу. На внутренней стороне каждой спирали были высечены две змейки. И глазки изумруды окаймляли две точеные головки.

Аменхатон и верховный жрец синхронно вставили ключи в отверстия, и отошли на семь шагов. Ключи сами, сделав семь полных оборотов, до упора вошли в отверстия. Тот же час, под тихое мелодичное звучание, плита с фреской повернулась перпендикулярно. Тайный ход открылся изумленному взгляду Эхнатона. Вниз вели 777 нефритовых ступеней винтовой лестницы, центральный столб, которой был выполнен из черного базальта.

Долгий спуск начался. Винтовая лестница была обрамлена стенами из прозрачного горного хрусталя и арагонита. Стены вспыхивали, когда они проходили мимо них, и затем огонь постепенно угасал. 343 ступень открыла огромный овальный зал в центре, которого располагался белоснежный с сапфирового цвета прожилками постамент.

Был он четырнадцати локтей в длину, семи локтей в ширину и трех локтей в высоту. В центре постамента имелось ложе-углубление и излучало оно свет мерцающий. Над постаментом в куполе зал, полностью повторяя очертания ложа, располагалась чаша из хрусталя горного.

Аменхатон и верховный жрец приблизились к постаменту и долго стояли перед ним в молитвенном молчании.

Затем верховный жрец удалился в одну из ниш зала овального. Повернул голову Аменхатон и жестом подозвал Эхнатона. Приблизился Эхнатон.

Обошли они постамент.

Дальняя стена зала приблизилась. Эхнатон увидел на ней фреску верхнего храма с изображением Осириса входящего в царство подземное.

Каменное изваяние змея обрамляло фреску. Змея цвета светло-изумрудного. Но только тело его, в отличие от верхнего змея стремилось вверх обрамляя фреску, а голова и хвост встречались вверху.

Змей, принимающий свой собственный хвост. Неизменный символ вечно изменяющейся вечности. Голова и хвост были развернуты на встречу взгляду смотрящему. Голова, увенчанная алмазной диадемой, покоилась на кончике хвоста, испускающего рубиновое сияний. Так зарождаются звезды.

Аменхатон приблизился к фреске и остановился перед ней. Внезапно, для Эхнатона, плита, на которой стоял Аменхатон, стала медленно подниматься и остановилась, когда глаза змея и фараона уравнились. Взгляды встретились.

И изумрудное сияние окутало их. Казалось, это продолжалось вечно и вместе с тем было наполнено одним мигом. Сияние померкло. Ключ в руке Фараона соприкоснулся с рубиновым хвостом. Тот час же приоткрылись врата Жизни и на появившейся оттуда мраморной ладони покоился спиральный ключ. Возьми

его, сын мой, произнес фараон. И да прибудет он всегда с тобой и да не прикоснется к нему другой взгляд.

Плита опустилась, врата закрылись, на одном уровне стояли они.

– Слушай и запоминай мой сын и наследник. Величие фараона, как носителя верховной земной власти состоит в исполнении долга. Вечно пребывающая истина, выраженная в воле богов, является путеводителем на этом тяжком пути. И если войдешь в неё будешь Фараоном, если нет, то просто правителем и не минуют тогда тебя и твой народ беда, страдания и рабство. И запомни ты кровь и плоть от плоти и крови народа и ты в нем и он в тебе. И если мысль твоя не обретет это чувство, отойди.

Я стою при дверях. Там за фреской сокрыта вторая часть лестницы. И твой долг пройти тот путь до конца. В той глубине сокрыты знания и мудрость Атлантов, наших предков. Тебе необходимо будет соприкоснуться с ними. Это ключ откроет тебе все двери тайные. И уже не нужно будет два ключа. Ключ верховного жреца исчерпал силу свою. Отныне ты един в исполнении воли Богов.

А теперь!

Шаги верховного жреца были не слышны. От прикосновения руки его вздрогнул Эхнатон, но повинувшись его молчаливой воли, отступил вместе с ним от постаментов на семь шагов.

В молчаливой молитве возвел руки Аменхатон навстречу хрустальной чаши, и ложе приняло его.

Застывшее мгновенье. Из глубины чаши вырвалась струя пламени солнечного протуберанца и объяв Аменхатона растворила его в своей неизъяснимой сущности.

Ослепительное полуденное солнце встретило Эхнатона и верховного жреца на Храмовой паперти, на которой в окружении жрецов Амона покоилось тело Аменхатона. Земное не должно быть нарушено.

И воздали жрецы и народ почести фараону на царствование его.

“Да исполнится воля великого Амона, да наполнит светлый Ра души ваши благодарной памятью об ушедшем. Ликуют Амон, Ра, Птах, Анубис, Гор, сопровождая ушедшего владыку к вратам Царства мертвых, где преклонит он колени перед божественным Осирисом”.

Исполненный долгом перед вами, о мой народ, и памятью отца моего, я напьюсь, с вашей помощью, нашу жизнь изобилием и трудом и тогда никто не устоит перед нами. Да исполнится!

Четыре раза разливался великий Нил, неся собой изобилие и радостен был труд на нивах.

Укреплялся Эхнатон в имени своем. Исполнялся земной долг, но долг перед Богами; да исполнится.

За эти годы молодой фараон ввел для себя молитвенный обычай. Уединялся он каждый раз в ночь полнолуния в Храме Ра и никто не смел приблизиться к нему. Никто.

Храмовая стража расположилась на расстоянии 117 шагов от Храма.

Фигура фараона четко обрисовалась перед входом. Луна серебром усыпала его хитон. Миг и он исчез в глубине Храма. А лунный луч, овладев тьмою, подвёл его к фреске. От волнения и неопишуемого восторга сердце готово было выско-чить из груди. Но рука была тверда.

Внезапно в центре фрески обозначилось пульсирующее бледно- сиреневое свечение. Ключ, мелькнула мысль, ключ. Рука сама выполнила положенное дей-ствие; и затем семь шагов назад. Фреска повернулась, и лестница приняла его.

В срединном зале он долго стоял перед постаментом вознесения, словно ожидая услышать голос отца и укрепиться. Но лишь только молитва, ниспослан-ная Духом укрепляющим, была ему явлена.

Другая фреска пропустила его. Те же ступени, тот же свет, до самого низа провожающий.

Он скорее почувствовал, чем увидел, что вошел в..? Вошел куда? Что, это было? С чем было можно сравниться?

Он вспомнил, как его маленького, фараон взял в южный поход. Однажды оставив своих воинов, фараон с небольшим отрядом устремился к месту свя-щенных встреч. Три долгих перехода, почти без остановок.

К концу дня третьего, Лунная богиня, сопровождая их по глубокому ущелью, вдруг открыла перед ними проход.

Они вышли на невообразимый простор. Огромная водная гладь предстала перед ними. В блеске лунного сиянья постепенно обозначились берега, стоя-щий на скальном выступе Храм и нескончаемая береговая линия серебристого бархата, убегающая к звездам. Едва уловимые чарующие звуки звездной гар-монии, тончайшие запахи цветов и водных просторов.

И все это сейчас обступило его вновь и приняло, как маленькая колыбель принимает новорожденного. Свершилось и наследник окончательно обрёл имя своё.

Мягкий свет, набирая силу, осветил все пространство.

И он понял, что здесь правит бал не свет солнечный, а свет, которому лишь есть одно название Светлейший-Абсолют! Детское видение, детская истина!

И как тогда, но уже здесь, невообразимая водная стихия, несла свой нескон-чаемый бег к ступеням белорозовой мраморной лестнице. Обрамленная, такого же цвета, рвущимися вверх колоннами, она приглашала морскую гладь к про-странству огромного портика.

Последняя полоска вечернего солнца еще долго окаймляла линию горизон-

та. Глаз не мог охватить всех стоящих. Реальность храмового видения.

По мере наступления темноты лица стоящих Атлантов, как бы высветлялись. Единая молитва – мистерия охватывала всех. Темнота физического мира пребывала, а свет молитвы духа каждого, являл себя в своем величии. Сам, непонимая каким образом, Эхнатон встроился в общий ритм молитвы. И свет объял его.

Вдруг он почувствовал, что каждая клеточка его существа завибрировала под его действием. В нем происходил великий процесс смерти и нового рождения. Клеточки становились другими, а те из них, кто не был в состоянии измениться под действие света умирали. Они взрывались. Всё тело наполнилось эхом маленьких разрывов и казалось, что этому не будет конца.

Только какой-то маленький уголок сознания старался удержать все в едином целом. Единственный очаг разума. Этот очаг и был в данный момент его собственным я. Маленьким, незамутненным и кристально-прозрачным. Вибрации новорожденного. Вибрации души, которая все эти предшествующие четыре года неустанно стремилась соприкоснуться с Божественным потоком истины, прочувствовать её, чтобы затем обрести знание.

Ибо Божественная истина есть чувственное знание.

Постепенно распрямляясь, к нему приходило состояние чувственного осознания великого единства всего сущего, осознание сопричастности ко всему и участия во всём, осознание светлейшего долженствования и Любви. Светлая молитва Эхнатона стала частью соборной молитвы Атлантов, которая, принимая, едва заметную чувственным зрением, форму светящейся спирали, уносилась в безбрежное пространство Бытия.

Невообразимое чувство исполненного долга наполнило его новое существо. Исполненный веры он отдавал и отдавал всего себя без остатка свету Светлейшего-Абсолюта.

Так вот какова эта единственная вера. Чувственное осознание, непрерывно изменяющегося, непрерывно восторгающегося, непрерывно творящегося все единого Бытия. Вера, как чувственное осознание великого смысла, казалось в полной бессмысленности, вера, как чувственное осознание величайшей ответственности перед всем и, прежде всего перед своим каждым поступком.

Светлейшие, полные глубочайшего смысла слова молитвы Атлантов.

О! мне дарованная Господом свобода

Молю тебя о! светлая природа

Дарованная Господом свобода

Да не творит Пресветлomu во вред!

Так вот каковы великие знания Атлантов, мироздание природы чувственной, знания, исполненные созерцательного смысла, вера чувственного осознание вечно творящегося и непрерывная молитва долга и покаяния.

Светлейшее Божество, чувственное проявленное Солнышко-Абсолют

Мой Атон, пусть это имя придет к народу моему и пусть эта Вера станет его путеводителем.

Солнечный зайчик в ладошке.

Всегда хотелось поймать лучик света в ладошку. И совсем маленьким и даже сейчас, когда минуло семнадцать, везде, где мог, он пытался поймать лучик света в ладошку. Но почему-то всегда лучик не ловился и всегда оставался сверху.

В голову пришла совсем простая мысль. А, что если не сжимать ладошку. Пусть она останется открытой и тогда солнечный зайчик останется в ней навсегда. Он убегает потому, что не может принадлежать никому.

Он принадлежит всем. Раскрытые ладошки с солнечными зайчиками. Они образуют полянки на необозримой поляне солнечного света, игра которого творит причудливый калейдоскоп счастья. Смотри и радуйся. Сам становись солнечным зайчиком на рассвете и в закате.

Внезапно на его ладонь легла другая ладонь. И странно солнечный лучик прошёл сквозь нее и остался между двумя ладонями. Между двумя ладонями заиграл сапфировый калейдоскоп. Он поднял голову. Лицо невыразимого благородства склонилось над ним. Огромный глаза излучали сапфировый свет. Душа завибрировала, наполняясь радостью. Учителей нельзя не узнать, даже не видя и не слыша о них ничего.

Боль и страдания уходили от него. Да и в семнадцать лет, сколько этого страдания. Странна душа человеческая. Сколько маленьких демонов желаний правят бал на её просторах.

Исполни, возжелай, возжелай, возжелай, маленькие колокольчики, и набатные колокола желаний звучат постоянно. Звук не исполненного желания, струна страдания. Учение разрасталось, ширилось и кругами уходило от своего создателя. Уходило от своего создателя. Уходило.

И опять же, куда только не приклони ухо, то можно услышать разное; и как понять это разное.

В маленьких фонтанчиках вселенской жизни, как в лучах восходящего светила всегда присутствуют изумрудные россыпи желаний истины. Странные маленькие колокольчики желаний истины. Присутствуют. Откуда и когда, да и как? Кто знает, и кто проверял или вверял. Лучезарные. Их должно принять или не принять. Как Вера. Должно. Изумрудная игра истины.

Да полно, изумрудная игра истины. Понапридумали. Изумрудная игра истины. Какая игра и какой истины? Какая? Нет ни какой истины, кроме истины, рожденной собственной задницей. Она должно быть мягкая и удобная. Хочешь, седи на ней, хочешь, возлежи, но чтобы мягко и удобно. А то понапридумали.

Душа, вера, долг, что-то там духовное. Какое там духовное. Вот ящик с пивом и воблочка со слезинкой, вот это духовное, а как же душа урчит и радуется.

И бабу облапить. Ах, бабуля ты моя родненькая, что-то ты задержалась на этом свете. Мне к моему пиву и к моей бабе, как раз и не хватает твоего наследства.

А вот наемдни, как я ему врезал, такую клеветинку подпустил, ну и выперли как миленького. А хлебная должность ко мне отошла. Ну, умею я вылизывать одно место моему шефу. А он так рад радёшенек. Радуйся, дружок, радуйся пока, а то и ты вскоре полетишь у меня вверх тормашками. А потом и ящик с коньяком и непременно с другой бабой. А к ней пришпилить внедорожник и канары, канары.

Только вот что-то внутри так крутит. Да дайте глотнуть, хотя бы чуть, свеженького воздуха. И притуши свой сапфировый взгляд, **не выносимо!**

Стало быть, быть, быть, прочертило солнышко закатное лунную дорожку к самому горизонту, засеребрило волну и до, ре, ми, океанского вздоха определило.

Пора, пора, подводить черту и отмерить собственной мерой. Мерой послушания, покаяния, мерой услышанного и понятого. Истина, рожденная верой и вера, рожденная истиной.

Давно начатое просилось к завершению.

Закатная лунная дорожка уходящего солнышка долго-долго, переброшенной серебряной нитью арочного мостика с ажурными перилами, вспыхивающих в свете явленных созвездий упавшей ночи, оставалась единственной связью с Оставшимся. Теперь только эльфы и огненные саламандры скользили по ней в великом танце любви.

Сколько серебряных лунных ночей и золотистых дней самозабвенно, то украдкой, то явно, делал он маленькие фигурки Учителя. Да они были маленькими не более длины указательного пальца его священной руки, но они являли собой всю его сорока четырех летнюю жизнь служения.

Вот и тогда на переходе от золотисто-розового заката к серебряному волшебству звездной, иссини бархатной ночи, Учитель подошел к нему, как всегда находящегося почти рядом и как всегда такого неприметного.

Годы неприметной близости, расцвели цветами полнейшего взаимопонимания. Он с молчаливой улыбкой раскрыл перед ним свой полотняный ящик с его изображениями.

Учитель подсел к нему и долго-долго рассматривал каждую фигурку. Жизнь соприкоснувшихся с ним развернулась перед его взором. Лучезарнейшее колесо времени. Прерывное и непрерывное в своей одновременности. Мысли и любовь отданные.

Сколько же было здесь маленьких фигурок изображений. Впоследствии они каким-то чудесным образом дали жизнь знаменитой плеяде “нэцкэ”

Вырезанные из слоновой кости, ослепительно белизной и с едва уловимым розовым оттенком, нефритовые, яшмовые полупрозрачные, голубоватого обсидиана, глубочайшего лазурита; маленькие Будды, так похожие на Учителя и такие другие.

Учитель подолгу задерживал каждую фигурку в своей руке, и с каждой из них пред ним представляли они. Какие разные и такие одинаковые. Объединённые страданием и ищущие исход из него, исход собственного и присущего только ему пути. И каждый из них приходил к нему в надежде прозреть по слову его.

Как неопределенно и вместе с тем конкретно через каждую душу и тело проходило это невыразимое, неуловимое и неизъяснимое, вследствие принципа неопределенности, чувство. И кто кроме Учителя мог провести по пути странствий в этой чудной и устрашающей стране страданий.

В этой стране были глубочайшие озера физической боли, искореженные вершины увечий, бездонные ущелья страха и высочайшие вершины, озаренные светом любви, где все боли смешенные с молитвой, воспламеняли страдающую душу.

Были здесь и убогие хижинки ожидания, неудач, потерь, отсутствия надежд, ревности, зависти, ненависти, злословия, доносов на ближнего и предательства всех и вся и, прежде всего самого себя.

А какие роскошные капища зрелищ, вакханалий, чумных пиров, сладострастных оргий, черные замки тайных убийц, растлителей и властолюбцев. Над ними вспыхивали зарницы и прорывались вверх языки ослепительного черного пламени чувственных страданий. Мятущаяся душа человеческая.

Мятущаяся душа человеческая. Сколько? Как? Почему? Почему бесчисленная череда вопросов души человеческой, пронизанной страданием?

И поэтому те, кому это бесконечное почему стало костью в горле и почти остановило дыхание, потянулись к нему. Когда уже совсем невыносимо, когда оборвана последняя струна на лютне собственной жизни, когда аногармоничным аккордом последняя чаша страдания переполнена и готова вот, вот выплеснуться.

Лезвие бритвы. Вот только тогда у ног Учителя, склоненный, обретаешь знание истинного смысла страдания.

Испытание Любви. Обретение Любви Господней. Любви, которая всегда, везде и во всём. Но не замечена. Не принята. Не воспета молитвой души.

И носится твоя утлая лодчонка по океану бурь везде и в никуда. А Божественный берег и есть ли он? Неприемлится.

И вдруг, ни даже лучик солнца, а просто прелестница Аврора, своим более ранним лучиком с еле заметным цветом – изумрудиком прозревает тебя. Так вот она Любовь Господа. Так ведь без неё меня просто нет. И этот лучик в одно мгновение становится изумрудным мостиком к берегу Божественному.

В мгновение ока затрепетал парус и путь определился. Испытание любовью. Испытай себя самого любовью к Господу. И только тогда страдания обретают смысл и радость нескончаемую. Все что задолжал, все что скрадывал, все с ликование в сердце приносится к подножию Его пресветлого Престола.

И велика радость страдания Любви.

Маленькие фигурки Будды, они явлены в переплетении с осветленными им их страданиями, и кто определит.

– Я думаю, – произнес он, – что тебе пора уходить. Там на пространстве Шри-Ланка ты завершишь начатое. Там тебя встретят и укажут место, и оно само откроется тебе. После нашего ухода в том месте, каждый вопрошающий и страждущий обретёт себя. Тебе предстоит еще огромный труд и да завершится он благом. Благом отпускающегося просящему. Твоё, исполненное долгом сознание, наполнит их, обретенной нами радостью от общения с Ним и да восплачут и возрадуются они.

Мера слышанного, мера исполненного. Многие годы пролетели с тех пор, как его определили. Уже Учитель проявлял истину в других царствах и временах, а в земных странствиях, легенды постепенно скрадывали истину. И только благо, дарованное ему в их последнем прощании, являло нить путеводную.

Остался последний штрих. Взгляд Учителя. Нужно было в памяти души своей воскресить сострадающую глубину этого взгляда для каждого.

Изумруды, хризолиты, яшма, янтарь, агаты, бриллианты, бериллы, каждый цвет которых присутствовал в его сострадающем взгляде. Но, не отдавая себе отчета, он выбрал сапфиры. Синюю голубизну далеких созвездий. Определился и вложил в место им предназначенное, место божественных глазниц.

И ничего не произошло, ну ничегошеньки. Просто красиво, необыкновенно красиво и ничегошеньки. Муза, присутствовавшая на их последней встрече, не являла себя.

Невыразимое отчаянье железным обручем сдавило голову. Обхватив, её руками, шатаясь словно пьяный, страдая от невыразимой муки, вышел он из древней обители и побрел в глубину сада, напоённого закатными лучами.

Древний колодец прервал бессознательный путь. Сколько раз он бывал воз-

ле него и никогда ничего необычного. Никогда. Открывшаяся ему, винтовая марморная лесенка, поманила.

Весь долгий путь спуска по ней, цветовая радуга радовала и была путеводителем. Древний алтарь Южного храма атлантов.

Древний алтарь, постамент иссини черного лабрадора с углублением в центре и нить бериллиевой бронзы, затерянная в высочайшей дали верхнего купола с семиконечной бриллиантовой звездой, почти соприкасающаяся с ложем и незнающая отдыха в своем неутомим колебании. Извечный маятник Бытия.

И то ли в яви, то ли во внутреннем мире, внезапно просветлённого сознания, то ли!.... Возникло.

Белокаменная зала Храма Долга Свершенного приняла его. В центре круга света ликов Атлантов, внимающие Великому посвященному.

Многие тысячи лет его мудрость и слово направляло их цивилизацию. Они несли на плечах своих все тяготы этого прекрасного мира. От века до века чувства их возрастали и космические дали раскрывали им свои объятия.

Белокаменные Храмы долга молитвы Всевышнему, Его Солнышку-Абсолюту, никогда не были пусты. Чистые молитвы - энергии долга, облачённые в цветочные шали тончайших излучений, орхидей благоухающих, радовали все Сущее. И всё Сущее с радостью возвращало им обновлённые цветы Любви.

И были они словно боги, возвеличивая самих себя, и оскудела их молитва, и опустели Храмы их. Каждый миг светлое страдание – радости исполненного долга вытеснялось, изысканнейшим страданием чувственных удовольствий.

И возмездие за отступничество не заставило себя ждать. Возмездие сотканное собственной гордыней.

Я обращаюсь к вам, мысле-голос Великого прерывался от волнения, в последний раз. Вместе с вами я не смог свершить порученное. Всем нам предстоят пути покаяния в других измерениях и пространствах. И дело не в том, что физический мир Атлантов исчезнет с лика Планеты, сердце моё скорбит и печаль заполняет душу безвозвратностью; а в том, что соборная душа народа, распадется и кто знает, где и когда возродится вновь.

Тем более, здесь и сейчас, когда еще силы созидающие не оставили нас, мы должны оставить им Чувственные образы служения Всевышнему. Чувственные образы радости-страдания от исполненного Долга.

Много времени вы отдали для созидания Храмов Любви-Долга на планете. Каждый вошедший туда обретет великую радость осознания истины, Веры освещающей. Каждый, который войдет. А дано будет войти не каждому. Узки ворота пред входом в него.

Величаво и равномерно бриллиантовая звезда, пульсирующее сердце Все-

ленной, прочертило в трепещущем сердце маленького скульптора путеводные нити ко всем семи Храмам и да не будут они пустовать, даже если бы хотя одна душа вступит на храмовый порог.

Сад, ночь, древний колодец, маленький Храм. С радостью в сердце опустился он на колени перед синеглазым Буддой, и сапфировый взор живых глаз осветил его.

Наверно все застенки одинаковы.

Наверно все застенки у всех народов и во все времена одинаковы. Инки, майя, ацтеки. Верования, культура, жрецы, правители, большие и не очень, немало разные, а застенки одинаковые всегда и повсюду.

От маленькой храмовой тюрьмы, до мрачайшей императорской цитадели. И тайные соглашения. Они вели Агасфера по всем его странствиям на землях инков, майя, ацтеков. Незаметно для постороннего взгляда, но не для него, они передавали его от одной храмовой службы к другой. Молитвы, обращенные к богам такие разные, но безопасность исполнения их, обряды, так это прежде всего и для всех. И горе думающему по иному, тем более проповедующее другое. И отсиживал он и был пытаем, но по тайной договоренности властолюбцев властвующих должен был принять венец мученичества в храме великой пирамиды Тенаюкен на алтаре посвященному богу Уицилопочтли.

Расцвет цивилизаций им'а /**соборное звучание инки, майя, ацтеки**/ вершился разными путями, ибо нет одинаковых путей к Господу.

Молитвы, рожденные светом, тропки чувственно созерцательного осмысления истины, слов посвящения, бережно хранимые в тишине храмов, обычаи, данные им по зову долга атлантами, всё это просветляло их души от века и до века, из рода в род. Но извечная проказа души человеческой – **гордыня** – не минула им'а. А её проявления и затем неминуемое; для всех одинаково. Ненависть ко всему, кто не думает и не молится так и истребление всех и всякого, кто не склонится. Эфемерно извращенное чувство того, что зовется свободой и возведения крепостных стен, изолирующих от всего и всех и не вспоминания родства своего светлого со всем мирозданием. Проказа.

И пошел Агасфер.

*Долго ли далечко, катится колечко
По горам лесистым, речкам голосистым,
Путь веселым кажется, если не покажется.*

Сколько раз Агасфер с сердечной благодарностью вспоминал это напев, слышанный им в его странствиях по земле России. Сколько раз. Когда было

особенно невыносимо, когда руки обдирались в кровь, когда останавливалась дыхание от невыносимого физического напряжения, когда голод лишал возможности двигаться и только оставалось долго и долго ползти, усмиряя невыносимые боли во всем теле. Хоть ты и бессмертный, а есть так хочется. И только и придавало сил, – **путь веселым кажется, если не покажется.**

Путь, величайшее таинство осознающего сердца и пытливого разума. И в самом деле, только путь единственное мерило достижения не постижимого и никогда не останавливающегося. Непрерывающееся дыхание жизни. Дыхание Жизни Вечной.

***Иисус сказал ему: Я есмь
путь и истина и жизнь; никто не
приходит к Отцу, как только
через Меня;***

Иоанн 14 . 6

Проходя горы и доли, спускаясь в долины Анд, пересекая долины Бразилии, нес в себе Агасфер эти слова и отдавал всякому, готовому принять.

Они, числом семьдесят семь были готовы и приняли. Среди них были убежденные старцы и ещё совсем юные, несшие в сердцах своих лучезарные ритмы поклонения великому Солнцу. По разному приходили они к Агасферу на путях странствия его по обширным южным землям, овеваемыми ветрами двух океанов, пропитанными ароматами, исходящими от великих Амазонских джунглей, напоенными хрустальной водой белоснежных вершин Анд и окрашенными веселым буйством радуг предгорных долин.

В каждом из них, древние пророчества оставили свой глубокий след. Каждый из них стремился возвысить свою душу до состояния солнечного лучика. Каждый из них.

Но суровые обряды, непримиримые законы следования, необходимость участия в ритуальных убийствах, искажали душевное виденье и радость от слушания свету Солнечному.

Пелена мрачной религиозной догмы, становилось всё плотнее и плотнее и лучику ли пробиться сквозь неё.

Каждое слово, услышанное от Агасфера о великой Божественной Любви, становилось светлой явью их сознания. Осознанная истина возвращала к Жизни и древние пророчества совсем по другому представляли пред ними.

Мир готовили к великому переходу.

Да, мир готовили к великому переходу и все они, собравшиеся в подземных храмовых залах этой старинной карстовой пещеры, должны были взрыхлить поле душ на их родном южном континенте, чтобы потом, когда-то брошенные

Им семена, дали всходы понимания истины.

Задумчивые отсветы пламень факелов, выводили на отполированных стенах центрального храмового зала узоры галактического танца, освященного чарующей музыкой, рождавшейся во вспышках сверхновых звезд. Басовые голоса иссини черных дыр разворачивали пред ними чарующие образы нового бытия. Их чувства, обостренные до предела всех человеческих возможностей, соединенные в едином порыве, являли будущему миру образы новых существований, ликующие фонтаны любви искупленных сердец, освещенные чувством Его благодарности.

Удивительно неизведанное и возликовал Он.

Агасфер не смог сдержать слез благодарной радости, ибо труд его был не напрасен.

Вы знаете, что мне предстоит мой последний путь по земле вашей.

Вы же должны пойти каждый своим путем, неся в сердцах ваших пламя Истины, а на устах своих слово Его.

***Иисус же сказал им : истинно
говорю вам, что вы, следовавшие
за Мною, – в пакибытии,
когда сядет Сын Человеческий
на престоле славы Своей, сядете и
вы на двенадцати престолах судить
двенадцать колен Израилевых***

Матфей 19. 28

Древние пророчества Майя. Древние календари Майя. Такие древние и такие современные. Ибо знали они, что нет ничего более древнего, чем современное и нет ничего более современного, чем древнее. Величавое колесо бытия.

Мудрый змий, держащий в пасти своей хвост собственный, но время от времени отпускающий его и тогда свет его изумрудных глаз привносит в мироздание кольцо новое Бытия.

Изумруднейшая спираль существования. Древние пророчества Майя

И тогда поднял голову один, из них. Казалось, что его белоснежные седины сами испускали сказочное сияние.

Вспомни Агасфер ту маленькую деревушку в предгорной долине близ земли Ацтеков, там мы проходили третьего дня. Они тогда поделились с нами последними лепешками из маиса.

Эти маленькие люди всё свою жизнь не поднимают головы от плуга. Весна вселяет им надежды на урожай. Лето являет собой или песнь благодарения или горестные вопли проклинающие. Всю жизнь на земле они поклоняются солнцу

и страшатся его. Дожди для них благо и бедствие. Вся их жизнь на лезвии бритвы. Чудо равновесия. У их жен и матерей глаза всегда полны слез от скорбей их детей. Что могут они творить и какова молитва их, когда есть нечего.

Что? Скажи мне и какова молитва их?

Ты открыл нам чувства истины, ты показал нам страдания сына Человеческого, ты развернул нашу душу, но что тогда там я мог им сказать, зная, что делаются последним и будут ли есть завтра. Так каково же мне судить их?

**Суд же состоит в том, что
свет пришел в мир;**

Иоанн 3.19

Ты спросил меня Убеленный, о самом горестном для человека бедного, слабого и угнетённого. Но ни я, ни ты, не сможем ответить на этот вопрос. Только каждый из тех, кого земные бедствия и юдоли не оставляют, только каждый в сердце своём сможет ответить самому себе.

Господь определил каждому величие и тяготы его пути и не оставил мир без Света, который только в каждом самом неминуемо отыщется.

До самого утра текла неспешная беседа, прозревалось будущее, укреплялась вера, вершина осознанной Истины. Каждый из них осмысливал свой дальнейший путь служения, укреплялся в нем и чувствование радости свободы обретало в их душах смысл новый.

Первые лучики восходящего солнышка развели их по тропинкам святоносной судьбы.

Лишь Агасфер и Убелённый направили стопы свои к вершине ожидающей.

Да, застенки везде одинаковые и велика радость любого выходящего из темницы во свет.

Последняя ступень по крутой лестнице подъёма и взору его, обласканного первыми лучиками, предстала необозримая даль. Вспомнился, такой же проникающий в восторженную душу пейзаж, великого Леонардо. Да они стояли друг друга, пейзаж и всеобъемлющая улыбка Моны Лизы.

Пейзаж и улыбка Джоконды.

Как ни странно жертвенный алтарь и вписывался и являл собой полнейшею дисгармонию с раскрывающимся пространством дали необозримой. Глубины все проникающего Света.

Жертвенная часть алтаря, плита жертвенная, была темно красного арагонита, резко впадающая в белоснежный мраморный желоб. Алая кровь жертвы вначале едва заметная на плите жертвенной, спадала в мраморный жёлоб, пла-

меня в нем.

И выдерживает сердце любящее, преклоняя колени пред великим страданием?

Но сердце наслаждающееся, требовало полноты алого потока.

Вначале был суд. Ах, этот суд и эти судьи, ибо каждый приговор был им самим себе, но что по сравнению со второй смертью, смерть жертвенная. Да и кто откажется от наслаждения? Кто?

***И смерть, и ад повержены в
озеро огненное. Это – смерть
вторая.***

Откровение 20. 14.

Семнадцать; в своих креслах черного обсидиана перед статуей бога Уицилопочтли. Вершители судеб других.

Восемь кресел с одной стороны и восемь с другой. Восемь с одной, восемь с другой, соприкасались с тронм верховного жреца, символизируя полукруг вечности и верховной власти.

Величественный, так ему самому казалось, жестом указал Агасферу место в кругу смерти.

– Чужеземец, ты нарушил священные законы почитания Великих, твои проповеди о Любви внесли сумятицу в души, народа нашего, они стали наполняться всепрощением и отвернулись они от заветов предков. Истинная свобода, гордого одиночества и центризма, смысл жертвенной крови, стала оставлять их.

Поэтому ты должен умереть и твоё трепещущее сердце, вырванное из груди, моей карающей рукою сотрет из их сердец воспоминания о словах твоих.

Казалось, что сострадательная улыбка Агасфера наполнила храм легким голубоватым сиянием.

Видишь ли, Антчал, та свобода гордого народа Ацтеков, свобода почитания божественного Солнца Абсолют всегда была, есть и будет. Ибо в ней сосредоточено прошедшее, настоящее и будущее. А на самом деле, это бесконечный, всегда существующий миг вечности.

– Я знаю, ты умён и тайны мудрейших были тебе открыты. Припомни!

Одно из самых фундаментальных состояний человека в человеческом обществе на протяжении тысячелетий, это состояние Свободы.

Когда-то мудрый Эзоп произнес: ***“ Покажите мне ту скалу, с которой сбрасывают свободных людей”*** и эта фраза, особенно сегодня, как никогда, является выразителем этого состояния.

И если это состояние так долго существует в ментальной матрице человека,

т.е. в его разуме, и если ради сохранения или достижения которого, человек готов жертвовать жизнью, то вывод напрашивается сам собой.

Данное состояние является одним из основ божественного Бытия, выражающее себя через разум.

Тебе было дано знать, что разум это процесс познания, тождественный самой Жизни, которая есть не только отображение независимого, predeterminedного мира, но и сотворение нового мира, раскрытие потенциала реальности. Разум, как процесс и свобода, как его жизнедеятельность, суть тождество.

И если свободный разум человека направлен на раскрытие реальности, то попытайся войти в смысл данного понятия.

На утренней молитве своей, воздавая славу Солнце-Богу ты утверждаешь свое существование, свое маленькое бытие в Великом божественном Бытии и утверждаешь свое новое маленькое бытие в Великом божественном Небытии.

Ибо Бытие и Небытие это и есть сама Реальность. Реальность освященная взаимозависимостью и взаимопроникновением Бытия и Небытия, выражающая себя через Разум, который и есть процесс синтеза состояния и свободы.

Ты очень много и красиво говоришь о свободе народа Ацтеков, но тебе плевать на эту свободу, ибо ты признаешь только свободу собственную.

Свободу, которая продиктована твоим разумом, который жаждет только неограниченной власти и получает наслаждения о ритуального убийства. Твоя свобода, это свобода служить только себе и только себе, а это и есть смерть вторая, ибо ты в разуме своем, процесс реализации потенциала предназначенного для тебя Божественным Абсолютом отвергнул; тем самым начал процесс реализации собственного, созданного тобой иллюзорного потенциала под названием свобода выбора или свобода воли, который представляет собой ничто иное, как служение только во имя самого себя.

Ты забыл завет великого Кут Хуми, который в благой вести, переданной твоему народу, посвященными Атлантами, заповедовал:

“Смертный грех есть самоубийство души. Это самоубийство происходит, если человек посвящает себя злу, т.е. себе с полной силой своего ума, с совершенным знанием добра и зла и при полной свободе действия, которая кажется невозможной практически, но которая возможна теоретически, так как суть независимой личности есть необусловленная свобода.

Божество ничего не навязывает человеку, даже существование. Человек имеет право лишить себя даже Божественной доброты \ акт полного сознательного отделения – ЗЛО\ и догма о вечном аде есть лишь утверждение СВОБОДНОЙ ВОЛИ. Бог никого не извергает в ад. Именно человек может отправиться туда свободно и по своему же выбору. Бог есть необхо-

димая гипотеза для разума. Сатана – необходимая гипотеза для неразума, утверждающегося как свободная воля”.

Великое таинство проявленного действия человеческой души. При абсолютно сознательном отождествлении себя с гармонией Бытия происходит на её уровне рождение Бога, а Господь рождается непрерывно, как непрерывно Его выдыхание. Свобода выбора является тем инструментом, которым этот процесс со стороны души проявляется. “Рожденный в рождающимся”.

***О! мне дарованная Господом свобода
Молю тебя, О! матушка Природа
Молю тебя о! матушка Природа
Не сотвори Пресветлomu во вред.***

Эта смиренная молитва привела в неопишемую ярость Антчала, но не вызвал он ярости своей, только побелевшее лицо, светилось на черном фоне обсидианового кресла, матовым лунным светом.

– Тебе нет пощады чужеземец и сердце твоё будет трепетать в руке моей.

Неожиданно для всех рядом с Агасфером в круге смерти предстал Убеленный.

Удар молнии не поверг бы в трепет суд, как явление его.

– Суд и ты Антчал, вы так ничего и не поняли и не принесли покаяние к престолу Его. Ваше время давно уже вышло и мера зла творимого переполнила чашу; кровь убиенных взывает к отмщению. Еще не поздно – покайтесь.

И вот тут-то Антчал и взорвался.

– И это ты говоришь нам покайтесь!? Ты, который многие годы служил алтарю жертвенному. Ты, который передал мне все твои тайные знания и все свои приёмы ритуального жертвоприношения.

Смотри, твой меч, прозрачного обсидиана величавых ударов смерти, до сих пор исполняет переданное тобой. А сколько сердец прошло через твои руки и как трепетали они. А твой знаменитый удар. Когда сердце жертвы трепетало в твоей руке, а сознание еще не покидало его. Не ты ли это.

А ведь только твой ученик, превзошедший тебя. И ты смеешь говорить мне о покаянии.

– Да, смею, – произнес Убеленный, – Служа здесь, в этом храме, я никогда не испытывал наслаждения от смерти. Да, моя жертва еще была в сознании, когда сердце было в руке моей, а в этот момент моё собственное сердце было в другой руке. И уходящий в последний миг жизни своей видел это. Моё сострадание и моя прощальная молитва были слышны ему. Его переход был легок.

А моя оставшееся жизнь, была мукой невыносимой. И отставил я все тебе

и ушел в молитву покаянную. А разве я не завещал тебе - будь милосердным, будь.

Да теперь я смею. Я смею ещё и потому, что чужеземец раскрыл во мне великое чувство Любви. Любви, которую даровал нам Господь, через Сына своего. Любви, которая объемяет мир и которая привнесена на нашу землю, любящим сердцем Агасфера и которую вы не приемлите.

Побелевшие пальцы рук Антчала, вцепившиеся в поручни овального обси-дианового трона, выдавали бешенную ярость, кипевшую внутри него.

– Любовь, любовь, где ты видел эту любовь, покажи мне её, ибо нет на свете любви, кроме любви во имя себя самого.

Агасфер сострадательным взглядом обозрел суд. Ты просишь показать тебе Любовь. Так смотри.

Пред внутренним взором каждого из них возникло видение.

Неслышным шагом с отрешенностью во взглядах к дверям газового барака приближалась группа обнаженных женщин. Еще совсем юных и уже испивших сполна на своем долгом жизненном пути, чашу страданий. Смерть в газовой камере уже не страшила их. Рубикон внутреннего охранного психобиологического барьера был перейден. И дальше тишина.

Чуть поодаль, почти у самого входа, коленопреклоненно молилась женщина. Кто в Равенсбрюке не знал её. Мать Мария.

Своими молитвами о последней милости, направленными к Господу, она сопровождала каждую группу смерти.

Перед входом в юдоль смерти стоял шарфюрер. Двух метрового роста голубоглазый блондин, яркое воплощение арийского господства и неумолимого исполнения долга. Сам трехглавый пес Цербер, неумолимый страж врат подземного царства мрачного Аида, мог бы позавидовать ему.

Группа остановилась перед ним. Счет должен быть во всем. Сегодня их было числом 77.

Мать Мария подняла голову и во втором ряду увидела маленькое существо; девочку не более 14 лет. Коротко стриженная головка. На прозрачном личике выделялись огромные бирюзово синие глаза; эпоха детей Индиго вступала в свои права.

Печаль и радостное ожидание встречи с Ним светились в них. Но время её еще не пришло.

Мать Мария встала и подошла к шарфюреру. Это было не слышано, ибо он в мгновение ока мог застрелить её.

Господин!

Прикажи вывести вон ту девочку. Мать Марию знали все, и даже эсесовцы лагерной охраны.

– Это невозможно, – произнес Гюнтер. – Они должны пройти числом 77 и отменить это не возможно.

– А отменять ничего и не надо. Я войду вместо неё.

Момент, произнес шарфюрер и снял трубку телефона внутренней связи.

Господин штандартенфюрер, здесь эта полубезумная просит заменить на себя маленькую девочку для входа на утилизацию.

Ну, если хочет, то исполни.

Мать Мария вывела маленькую Марию из группы, накинула на неё свой черный монашеский хитон, осенила крестным знаменем и что-то прошептала в самое ушко.

И захлопнулись двери газовой камеры.

Как обычно, Гюнтер мерным шагом проходил вдоль газовой камеры, изредка поглядывая на часы. Четверть часа было достаточно для завершения процесса утилизации.

Внезапно, исходящее из дверного глазка изумрудно-белое сияние привлекло его внимание. Он заглянул в камеру.

Посреди камеры, воздев руки кверху, стояла мать Мария. Свет, исходящий от её поднятых рук обнимал всех коленапреклоненных женщин. Творимая ею благодать и восторг ожидаемой встречи с Ним, светились на лицах. Свет всё усиливался и усиливался и в его благодати вершился переход. Головки женщин, склонились, и свет стал уходить

Гюнтер вдруг осознал Присутствие и вся его дальнейшая жизнь стала бессмысленной, без этого Присутствия, боясь упустить последний квантик уходящего благодатного света он достал из кобуры свой вальтер и выстрелил себе в сердце. Он успел за ними.

Прибывавшие, на звук выстрела охранники не смогли обнаружить на его теле выходного отверстия от пули. Преображенное сердце без остатка приняло её. Свершилось!

И еще долго благодатное видение присутствовало в сознании каждого судящего.

– Ты видел всё, Антчал, – произнес Агасфер, – ну а теперь, ты можешь вырвать мое сердце. Пойдем.

Жертвенная плита приняла Агасфера. Антчал действительно был мастер своего дела. Едва уловив движением прозрачного абсида, он рассек грудь Агасфера и в высоко вознесённой руке уже трепетало его сердце. Но не извлек Антчал из груди своей ликующего крика. Его взгляд встретился с полным состраданием взглядом Агасфера. Он прочел в нем свое прощение. И не смогла вынести это его душа. Трепещущее сердце Агасфера наполнило все пространство вокруг изумрудно-белым сиянием с примешанными к нему голубоватыми тонами.

На миг ниспал свет великого перехода начала третьего тысячелетия. Фигура Убеленного, стоящего с поднятыми руками на вершине храмовой пирамиды, сиянием своим затмила полуденное солнце. Семнадцать темнобагровых факелов медленно угасали, оставив потомкам знаки на храмовых плитах в виде черных кругов, ибо не смогли их души принять свет животворящий.

Божественная реальность в величии своего милосердия и прозрачной истины, в единый миг, показала и озвучила себя даже с сознаниях далеких от восприятия её Сути. Сути явленной и Сути вечно возобновляющейся.

Легенда и пророчества Майя в этот миг материализовали себя для укрепления в истинности их смысла.

И вышли на далекий берег первые двести конкистадоров, неся впереди себя огонь и меч. А за ними медленно и неуклонно шли христианские монахи, неся на устах своих слово Божие.

И кто сосчитал, сколько крови еще пролилось и сколько проклятий было ниспослано небу. Тяжек путь милосердия. Тяжек путь милосердия, но без милосердия нет пути.

Это тебя подкрепит.

А костер и маленький фонтанчик храмового дворика продолжали свой нескончаемый дуэт. Да и полоска зори, словно замороженная оставалась ожидающей.

Ожидающей друга истины, друга любви, быть может моего пробуждения.

Агасфер протянул мне бокал фалермского.

– Это тебя подкрепит. То, что ты испытал, выдержит далеко не каждый.

Я рад, что они не ошиблись в выборе, ибо сам я не имел права на выбор.

Из его сокровенных фраз я так ничего и не понял. Кто меня выбирал и почему он был лишен этого права. Да и куда выбрали, зачем и что мне с этим делать?

Агасфер взял ореховую трость, немного расшевелил головни костра.

– Пусть саламандры ещё побудут с нами, полоски зори уж ждать не долго, а нам есть еще о чем поговорить и вместе помыслить.

Неутомимый барон Мюнхгаузен, прочертивший путь благородного выдумщика. И невдомек всем нам, да и каждому, с легкой усмешкой читающего его притчи, просто понять, что лик фантазии, это только способ заставить нас изменить способ своего мышления.

Сколько в жизни маленьких и не очень маленьких болот нам приходится преодолевать, сколько трясин затягивает нас в ловушки наслаждения. Сколько?

Ну, как хочется в них блаженно утонуть. Как хочется утонуть в непрерывном

наслаждении. Ведь ничто человеческое нам не чуждо. Только, что это человеческое?

***И сотворил Бог человека по
образу Своему, по образу Божию
сотворил его;***

Бытие 1. 27

А человеческое это то, когда из трясины за свои собственные волосы, тянешь и тянешь не переставая, ибо сотворен ты по образу и подобию.

И был вечер, и было утро

***И был вечер, и было утро:
день третий.***

Бытие 1. 13

Светлейшие полянки дня третьего. Балы обычно устраиваются под вечер, когда ещё теплые солнечные лучики, смешанные с вечерней прохладой завораживают.

Каков бал необычный, ибо в честь Принцессы. Все вновь сотворенные планеты всегда устраивали бал в Её честь.

Все будущие гении рожденной планеты почли за честь засвидетельствовать Ей свое почтение и порадовать Её своим творчеством.

Светлейшие творческие дебюты. Проба пера, кисти, звуков по вдохновению Муз, поэтических образов.

Волнения и восторг. Да и зрители уж собрались. Светлейшие ангелы, детки шалунишки, забыв на мгновенья свои полянки, расположились в первых рядах, тенистых эстрад, воздушных вернисажей, танцевальных залов Муз вдохновенных.

Свет вечерний заставил переливаться белоснежную крышку рояля легким нежным пурпуром. Такой же оттенок, но более прозрачный приобрел белоснежный фрак великого маэстро. Его руки, словно два чарующих белоснежных крыла, порхая над клавишами, извлекли и вбросили в зачарованное пространство первые аккорды Лунной сонаты. Свет вечерний и аккорды лунной сонаты.

Людвиг Ван Бетховен открывал бал.

Черный рояль

*Взлетают медленно руки
На эстраде экстаз поселился
Белый рояль
Мечтают печальные звуки
Я ещё не родился
Я ещё не родился не понят
Но играет оркестр симфонию
На эстраде с откинутой крышкой
Белый рояль так близко*

А там, немного, поодаль великие музыканты всех времен и народов, послушные вдохновенной дирижерской палочке Иозефа Гайдна уже вбросили на суд Её, первые апофеозные звуки великой симфонии-аратории **“Сотворение мира”**.

И сблизились два вдохновения, вплетаясь друг в друга обертонами творческой благодарности своему Создателю. Бал.

А другая поляна разбросала по всему своему пространству мольберты, кисти, редчайшие краски, замешанные на солнечных радугах тысяч оттенков.

Ван Гог, Мане, Ренуар, Сальватор Дали, Левитан, Петров-Водкин, Карл Брюллов, Илья Репин, разбрасывали на свои полотна ярчайшие и неповторимые оттенки цветов и соцветий юной планеты.

А там в просвете между вековыми дубами, огромный холст открывал зачарованному взгляду бездонную чернobarхатную энергию-бездну черных дыр. Вдохновенный дар благодарности Малевича впечатлял.

И уже не боясь быть поглещенным, терпеливый взгляд подолгу задерживался перед полотными ночных хуторков, напоенных лунным светом.

Вначале едва различимые, а затем под еле слышные здесь мелодии вдохновенных оркестрантов, они высветлялись, выказывая свою благодарность Создателю. Благодарность души Куинджи.

Да, бал удался на славу и все, что здесь сотворялось уходило в величайшее вселенское хранилище, чтобы потом выплеснуться в ярчайшей антропной вспышке к своему Истоку.

Творец и творчество, творчество и сотворяющие, единое и не делимое, взаимно проникающее и взаимнообогащающее.

Доказательство третьё (Фома Аквинский): Все предметы мира находятся во взаимосвязи и взаимоотношении друг с другом, и их существование возможно только во взаимосвязи и взаимоотношении.

Однако бесконечный поиск предшествовавших друг другу взаимоотношений и взаимосвязей бессмыслен. Следовательно, должно существовать нечто, абсолютно независимое и совершенно самодостаточное. Это и есть Бог.

И создал Господь человека по своему образу и подобию. Неразрывная цепь взаимоотношений.

*Мы же все открытым лицом,
как в зеркале, взирая на славу
Господню, преображаемся в тот
же образ от славы в славу,
как от Господня Духа.*

2Кор.3:18

Взирая на Славу Господню!

– Но вот в чем состоит главная загадка, – произнес Агасфер, вороша ореховой тростью угольки затухающего, костра. Под его рукой пламя вновь ожило и весело треща, набросилась на свежие поленца.

– Так в чем она состоит? – спросил я.

– Да в том, то и состоит, что мы должны вытащить себя сами за волосы до уровня восприятия этой славы.

– В удивительных выражениях Плотин, сидя когда-то здесь, раскрыл, то Божественное озарение, которое он сам испытал:

“Когда зришь внутри себя божественное сияние добра; когда полностью погружаешься внутрь себя; когда больше не встречаешь внутри себя препятствий к единству; (*воистину неразделенность – примечание моё*) когда ничто чуждое отныне не привносится и не изменяет своим присутствием простоту твоей внутренней сущности; когда для всего твоего существа ты будешь истинным светом, неизмеримым безграничным, увеличению не поддающимся, бесконечным и абсолютно ни с чем не сравнимым, так как он превосходит всякую меру и всякое количество; когда ты станешь таким, тогда став таким зрением (*или сознанием, – примечание моё*) ты можешь полагаться на себя, ибо отныне тебе не будет нужен руководитель. Теперь нужно созерцать с большим тщанием, ибо только с помощью зрения, которое откроется в тебе, ты сможешь увидеть Высшую Красоту.

Чтобы лицезреть в себе это прекрасное и божественное, нужно сначала

ла самому стать этим прекрасным и божественным”.

Воистину так. Человеческая жизнь-форма это молитва **“Отче наш”** родился, молился и ушёл в другую форму-сознание или снова вернулся в прежнюю; смотря как молился; ибо жизнь это Молитва непрерывная.

Сознание, это ничто иное, как **Аз-Есьм**; Божественная суть моя.

И только тогда, человек может или начать процесс реализации божественного потенциала или отвергнуть его или начать процесс реализации собственно-го, созданного им самим иллюзорного потенциала.

***Иисус же говорил: Отче!
прости им, ибо не знают, что
делают.....***

Лука 23. 34.

Да простил нас Господь, но человек не должен творить то, что он не ведает. Мир становится реальным фактом своей проявленности, как таковой. Первый Принцип или Господь, являет себя в проявленности множества форм. Форма – энергоинформационного состояния есть – реальность мира проявленного. И ум в проявленном аспекте воспринимает эту форму, как единственную реальность. Великая виртуальная игра. Непроявленное в проявленное. И эта игра есть состояние Жизни в Господе.

Жизни по его образу и его подобию, реализующая себя каждый раз, как квант перехода сущности антропного принципа.

***Ибо так возлюбил Бог мир,
что отдал Сына Своего единородного..***

Иоанн 3. 16

Вникни в это послание об образе и подобию, Сыне единородном и для тебя откроется сакральный смысл антропного принципа.

Творец, Господь Сущий. – Помнишь изреченное апостолом Павлом.

Господь есть Дух; а ...

2Кор.3:17

Святой Дух; начало всех начал, причина всех причин, Суть всего тварного. И не дано тварному лицезрения Святаго Духа. Иисус сказал:

***Бога не видел никто
никогда; единородный Сын,
сущий в недре Отчем, Он явил.***

Иоанн 1. 18

И когда сердце наполнится чувством осознания этого Святого триединства, **триединства Духа Святого-Отца-Сына**, таинства образа и подобия тебе откроются.

Не может тварное существо, даже самое Высочайшее соприкоснуться с Духом Святым. Но всё едино в нашем Бытии и Святой Дух может проявить себя каждому только через Образ созданный им и посредством подобия, которое есмь ничто иное, как творческая Ипостась. И должно каждому соприкоснуться по мере славы его. Так тащи и тащи себя за волосы из последних сил. И со-страдательная рука Сына едиnorodного не оставит тебя, а дело твое тащить и тащить не щадя живота своего.

– Ну, а если мне себя тащить не хочется, ведь трясина удовольствий такая манящая, а убажение живота своего так сладостно, то и что тогда?

– Тогда, – в задумчивости произнес Агасфер.

– Тогда – Припоминается одна из бесед со святителем Василием, одного из великих Каподийцев. Ему тоже очень хотелось определиться в том, что тогда. И удивительная мысль его о природе времени приподняла несколько завесу.

“А когда уже стало нужно присоединить к существующему и сей мир — главным образом училище и место образования душ человеческих, а потом и вообще место пребывания для всего подлежащего рождению и разрушению, тогда произведено сродное миру и находящимся в нем животным и растениям преемство времени, всегда поспешающее и протекающее, и нигде не прерывающее своего течения.

Не таково ли время, что в нем прошедшее миновалось, будущее еще не наступило, настоящее же ускользает от чувства прежде, нежели познано? А такова природа и бывающего в сем мире. Оно то непременно возрастает, то умаляется, и явным образом не имеет ничего твердого и постоянного. Посему и телам животных и растений, которые необходимо соединены как бы с некоторым потоком, и увлекаются движением, ведущим к рождению или разрушению, прилично было заключиться в природе времени, которое получило свойства сродные вещам изменяемым. По сей-то причине премудро изъясняющий нам бытие мира, рассуждая о мире, весьма кстати присовокупил: в начале сотвори, то есть в сем начале, в начале временном. Ибо, конечно, не во свидетельство того, что мир по своей первобытности предшествует всему сотворенному, именуется его происшедшим в начале, но говорит о начале происхождения сих видимых и чувством постигаемых вещей после невидимого и умосозерцаемого.“

– В его высказывании, я тогда, обратил его собственный взгляд на выпорхнувшую мысль-синичку.

“Посему и телам животных и растений, которые необходимо соединены как бы с некоторым потоком, и увлекаются движением, ведущим к рождению или разрушению, прилично было заключиться в природе времени, которое получило свойства сродные вещам изменяемым”.

– В природе времени, которое получило свойства сродные вещам изменяемым. Заметь, не время первоначально, а вещи изменяемые, и не просто вещи, а сам принцип изменения, который явлен в нашем Бытии через энтропийную стрелу времени.

И тогда вместе мы попытались дать ответ на вопрос, а что тогда? И без ответа на это сакральное невозможно придти к пониманию Бытия, своего места и **долга** в нем.

До момента своего возникновения система Бытие-Небытие может проявиться и не проявиться. Для проявления необходим импульсный толчок. Это то и есть, задающий принцип. Мы можем назвать этот принцип Вселенской энергией активации. Но как бы мы его не называли, на самом деле это энергия творения, энергия, исходящая от Святого Духа. Эта энергия исходит из самой природы Сущего. Эта энергия проявила наш мир и уже в ней был заложен принцип изменения.

Чрезвычайная, интересная мысль о долге. О человеческом долженствовании.

Долженствование – из состояния формы (с присущей ей индивидуальным сознанием или сознанием формы) трансформироваться в состояние Триединной Божественной Жизни.

Ибо только состояние Триединной Божественной Жизни является единственным реальным состоянием или Единственной объективной реальностью.

Вне Его нет ничего и ничего быть не может. Реальность такова, какова она есть и более не какова.

Вдумайся: человек при реализации заложенного в нем божественного потенциала непременно создаст новое качество Божественного свойства, восходящего ряда.

Если наоборот, то возникнет качество нисходящего ряда, дисгармонизирующее Божественный замысел. Возникает тот мир, о котором говорят как о мире темноты.

Наша антропно ориентированная вселенная имеет чувственное восприятие на всех уровнях её Бытия.

Святой Дух – рассыпал Себя в нашей Вселенной в виде мысле-форм, придав им индивидуальную окраску. То есть видимость индивидуального существования. Великая игра понятий и улыбок. Пройдя чрез мысли-формы, поток приобрел свет Чувственного смысла Бытия.

Наша Вселенная Чувственная. Абсолютно всё Бытие вселенной пронизано чувственной энергией. Все собрано в единый чувственный цветок любви, и все живет в единой соборной молитве, молитве радости узнавания друг друга. Все во всех и каждый в каждом. Единый ритм жизни Любви всеобъемлющей, а выпасть из этого ритма, и есть не исполнение долга пред Господом, остаться полностью изолированным существом в изменяющемся потоке времени и не реализовать себя в структурах нового Бытия, ибо без Господа это невозможно, а это и есть смерть вторая. Вот это и есть, что тогда.

– И ещё очень важное, что тебе надо запомнить: вспомни св. Василия **“По-сему и телам животных и растений, прилично было заключиться в природе времени, которое получило свойства сродные вещам изменяемым”**. Сродные вещам изменяемым. Св. Василий объединил в единую энергоинформационную систему тела животворящие и тела растительные.

Но почему? Что их связывает?

А, связывает их одно: время, вернее ритм его изменения. А в энтропийных системах ритм времени ответственен за обмен энергии внутри системы. Это означают лишь то, что тела в процессе своей жизнедеятельности принимают и отдают энергию соответствующего уровня, и этот процесс проводится в автоматическом режиме, поскольку тела вовлечены в поток времени и повлиять на него не в состоянии. А это и есть ни что иное, как исполнение энергетического долга взаимного обмена для поддержания устойчивого функционирования Бытия.

Хочешь или не хочешь – долг отдай. Халява здесь не проходит.

Вот тут я и взорвался; мне стало обидно не только за тела животных и растений, но и за тела и души человеческие.

– По твоему получается, что я, животные и растения все в одном ряду. А как же тогда по образу и подобию. Ну да как? – Мой голос почти сорвался на крик. Ну до чего же обидно. Я венец природы, а нате ж тебе; животные и растения, да ещё тела.

Терпеливой снисходительности Агасфера можно было позавидовать. Он молча наблюдал за моим пытанием.

– Да ты прав. Ну, конечно же, по образу и подобию.

Но тут вот какая штука.

Состояние – форма. Проявленная Вселенная, по мере остывания, приобретает различные формы-состояния, а каждому состоянию соответствует свой уровень сознания. Сознание-формы.

В проявленной Вселенной это взаимно связанные системы. Изменяется уровень сознания, изменяется форма. Изменение формы или переход в более

высшую форму происходит только после того, как энергоинформационная емкость прежней формы полностью исчерпывается.

К примеру, человек не может иметь уровень сознания Ангела в его состоянии -формы.

Но если человек перестает творить, благодаря дару творчества полученного от Господа, во имя Его, то его сознание начинает низводиться до уровня сознания животных.

А на том уровне, закон непреложен – долг взимается автоматически. И получается, что сам человек по своей собственной воле отворачивается от образа Божия. И что здесь поделаешь. Да из вне ничего.

Ибо свобода выбора определена Господом для человека непреложно.

И мне стало не по себе и очень стыдно.

Агасфер, встал, присел рядом со мной, обнял меня за плечи и как долго мы пребывали в молчаливом согласии, да кто считал.

Я понял, что наступила пора расставания, и все же ещё один вопрос мучил меня.

– Спрашивай – произнес Агасфер

– Помнишь, как ты сказал, что ты не выбирал меня, но меня избрали другие. Проясни мне это.

– Когда-то на заре осознанного детства, в этой обители Ессеев играли, носились, постепенно под руководством посвященных, набирались мудрости и осознания своего Великого долженствования три сорванца.

Мудро и прекрасно. Иоанн вступил на путь Великого долга первым и не отступил ни на йоту от предначертанного. Наш светлый Спаситель явил миру Любовь Господа и свершил всё в полноте Своей. Мне до поры до времени предстояло ожидание и открытие долженствования по воле Его.

Иисус принял крещение от Иоанна; я же должен был принять крестное посвящение от рук Его. Ожидание этого стало для меня разрушительным. Моя гордыня шла впереди.

Я все знал о Его миссии, и зависть разрушала моё сознание. Ну почему Он, а не я? Ну почему?

Мы никогда не встречались до того времени, когда он прислал ко мне Петра и Иоанна для приготовления пасхи.

Как я ждал этой встречи и как я хотел избежать её. Гордыня и покаяние. Разрушительное и созидательное. Маятник мятущейся души.

На пороге горницы я встречал их. Иисус пропустил учеников вперед, сам вошёл последним.

Возле меня Он задержался на мгновенье. Взгляд Его был более чем красно-

речив. Они возлегли, я опустил завесу, и пасха вступила в свои права. Я молча и с благоговением прислуживал им.

Всё чему Он учил их, сконцентрировалось в Его последних наставлениях Любви. Но души их были в смятении, дети, теряющие своего отца и кормильца.

И кто поддержит и наставит их. И обратился он к Симону. Но это было обращение ко мне.

*Но Я молился о тебе, чтобы
не оскудела вера твоя; и ты
некогда обратившись, утверди
братьев твоих.*

Лука 22. 32.

Там на горе Илионской, для меня должно было состояться таинство принятия Божественного глагола из рук Его, но я остался.

Я остался и с того времени покаянная молитва моя не оставляет меня ни на миг. Истина явилась ко мне, как только гордыня меня оставила. Сколько времени.

Милость Спасителя неоценима.

Сколько раз меня распинали, сколько раз меня сажали на кол и колесовали, сколько раз пламень костра, благодатно очищал меня. Сколько раз.

И каждая смертная мука, с именем Его на умирающих устах, несла очищение от гордыни. Ибо, **да никто не сравнится с тобой Господи.**

Ты наверно наслышан: близится момент нового квантового перехода всякого существование на нашей благословенной Планете. И, прежде всего она сама вознесется на более светлую ступень Света, согласно Великому закону нравственных посвящений.

Мне уже определено место, мой земной путь свершился. Тебя избрали для того, чтобы слова истины, взошедшие в сердце твоём и несущие память о смиренном пути сердца моего, да не остались в туне.

И если ты выберешь, и отдашь их при встрече каждому, то их пути да распрямятся.

Впрочем, если на то будет воля твоя. Не скрою от тебя, путь это будет тяжёлый и тяжёлый вдвойне.

Твой собственный путь, да исполнится; мои заветы да пребудут в нём. Но, ты можешь отказаться.

Теперь настала моя очередь. Я обнял Агасфера за плечи, и мы долго сидели вместе, испытывая высочайшую гармонию слияния душ Человеческих.

Вот так обнявшись, мы вышли через восточные храмовые врата. Полоска зори, терпеливо ожидала нашего расставания.

Мы стояли на самом верху, золотисто красного бархана. Храмовый комплекс, да был ли он?

– Пора – произнес Агасфер. Ты сейчас спустишься, а затем поднимешься вон на ту зыбучую вершину и там, впрочем, сердце тебе само подскажет.

Вопреки ожиданиям ноги не сильно увязали в песке. Вот и вершина. Вместе с сердцем я оглянулся, чтобы увидеть его в последний раз.

И, о Боже! Казалось, фигура Агасфера в белоснежном хитоне головой соприкасалась со звездами.

Постепенно он начал светиться, как бы изнутри. Ослепительно белое сияние неспешно приближалось ко мне.

Сапфировый взгляд проникал глубоко в душу. Первая волна сияния коснулась меня. Я весь вспыхнул. Каждая клеточка-сознание моего тела завибрировала в собственном ритме, казалось, что под действием излучения все электроны сорвались со своих насиженных мест и я превратился в одно общее электронное облако. Я распадался.

Последним нейрончиком уходящего сознания, который еще был я. Я взмолился.

***Господи Иисус Сыне Божий
спаси и помилуй меня!***

Ласковые руки обняли меня. Свершилось. Голос Агасфера и лучезарное сияние покинули нашу реальность. **Свершилось.**

Полоска зори стремительно разрасталась. В первых лучах солнца на соседней вершине обрисовались фигуры трех всадников. Один из них на поводу держал оседланного коня.

Приблизились. Синие плащи и особые головные уборы выказывали в них туарегов. Мудрых и гордых аксакалов великой пустыни. Наши взгляды встретились, и мы склонили головы друг перед другом в братском приветствии.

Нам поручено сопроводить тебя до места, ими указанного. С высоты седла я увидел пустыню. Но эта была не та пустыня, которую я воспринимал всегда. Она была и пустыня, и океан, и снеговые вершины, и тихие заводы, покрытые белоснежными цветами лотоса. Это была вся полнота жизни в полноте единства, осенённая Божественным дыханием.

Телефон прозвонил. Из консульства.

– Марк, простите, ведь мы только говорили с минуту назад. У Вас все в порядке?

– Да, со мной всё в порядке. А, собственно в чем дело?

– Понимаете, я только что получил странное смс-сообщение. Там всего два слова. Он спасён!

– Да я действительно, если это слово применимо ко мне, спасён. А, что вы находите в этом странного?

– Да, то, – голос его от волнения срывался. – что послание датировано 0 часов, 24 сентября 2012 года. Вам это о чем-то говорит?

– Ждите, скоро свидимся, а странности только начинаются. И что снежные лавины с великих горных вершин, по сравнению с ними.

Да светится имя Господа нашего!

И возрадуется матушка Геюшка

Огромная сине-стального цвета волна, вздыбилась пред берегом и устремилась в цветущие долины и доли, превращая все на пути своем в водный хаос.

И кто устоит?

Падают камни, рушится и превращается в пыль и обломки и хижины и дворцы. Далеко-далеко в пространство, медленно затихая, уходят стоны заживо погребенных. **И кто спасет?**

Огненные фонтаны, великих огненных подземных рек царства Аида, грозно искрятся и играя раскаленной лавой, празднуют день скорби человеческой в прахе и пепле. **И кто выдержит?**

Смерчи, торнадо выводят свою только им известную мелодию Гимна освобождения от человеческого эгоизма. **И кто услышит?**

ЗЕМЛЯ, ВОДА, ОГОНЬ, ВОЗДУХ.

И кто поклонится?

И склонились маленькие, лучезарны головки в благодарственной молитве пред Престолом Его.

Аленький цветочек, катись клубочек

Ниточка вечная, звездочка светлая.

Папенька, маменька, ручки в ладошках

В папиных, маминых, светла дорожка.

Боженька миленький прости им странности

Прости неразумности, пусть радуются.

Лучик, дорожка, ручки в ладошках

Папиных, маминых, пусть так останется.

Пусть так останется

Содержание.

- 2 После восхода солнца.
- 10 Маленькие посиделки.
- 12 И был день третий.
- 13 А, что я в Его замыслах.
- 18 Тёмный лик распятия излучал неуловимое.
- 18 Блаженно всё, что Бытие.
- 21 Лик распятия освещался.
- 24 В тридевятом царстве
- 27 И кто есть Бог?
- 34 И спросили Сократа.
- 40 Да не творит Пресветлому во вред.
- 46 Бежин луг.
- 46 Вечере Господне.
- 49 Ра восходящего.
- 54 Солнечный зайчик в ладошке.
- 59 Наверно все застенки одинаковы.
- 68 Это тебя подкрепит.
- 69 И был вечер, и было утро.
- 71 Взирая на Славу Господню.

